

Оеофилактъ Русановъ, знаменитый русскій іерархъ эпохи императора Александра І-го.

(Продолженіе ¹⁾).

Третій періодъ жизни и дѣятельности Оеофилакта Русанова (съ 1810—1813 гг.).

Условія, подготовлявшія паденіе Оеофилакта: столкновение его съ Сперанскимъ и княземъ Голицынымъ изъ-за Фесслера, усиленіе въ Петербургѣ религіознаго мистицизма и реакціи противъ французскаго образованія, возвышеніе Филарета Дроздова, сильное увлеченіе могущественнаго кн. Голицына мистицизмомъ, повлекшее за собою сильную враждебную непріязнь его къ Оеофилакту. Первые признаки его скорого паденія. Начало дѣйствительнаго паденія Оеофилакта со времени его отправления для ревизіи разоренныхъ французами епархій. Дѣло изъ-за перевода „Эстетическихъ разсужденій“ Ансильона, окончившееся для Оеофилакта совершенною опалой и удаленіемъ его изъ Петербурга въ Рязанскую епархію.

Въ первой половинѣ 1810 г. въ жизни преосвященнаго Оеофилакта произошло одно событіе, важное тѣмъ, что оно послужило первымъ подготовительнымъ условіемъ для ниспаденія его съ высоты занятаго имъ блестящаго положенія общецерковнаго столичнаго дѣятеля. Мы разумѣемъ именно столкновение его съ кн. Голицынымъ и Сперанскимъ изъ-за ученаго профессора Игнатія Фесслера. Сущность этого, надѣлавшаго въ свое время много шума, столкновения состояла въ слѣдующемъ. При открытіи С.-Петербургской духовной Академіи, „Комиссія духовныхъ училищъ“ рѣшила пригласить для нѣкоторыхъ каеодръ, за отсутствіемъ русскихъ хо-

¹⁾ См. Труды Кіевской дух. Академіи, ноябрь, 1904 г.

рошихъ преподавателей, ученыхъ изъ-за границы ¹⁾. Между прочимъ, на кафедре еврейскаго языка, по рекомендаціи М. М. Сперанскаго, былъ приглашенъ изъ Берлина извѣстный ориенталистъ, докторъ философіи Игнатій Фесслеръ ²⁾. Самъ Сперанскій руководился въ данномъ случаѣ *совѣтомъ* проф. СПб. Педагогическаго Института—Лодія, учившагося у Фесслера въ Львовскомъ университетѣ.

Личность Фесслера была довольно загадочная. „Внутренняя и внѣшняя жизнь этого человѣка, говоритъ проф. П. Чистовичъ, полны внезапностей, перемены, противорѣчій. Явленія внутренней жизни изъ опытовъ прошедшихъ вѣковъ, уже получившія опредѣленную и справедливую оцѣнку въ исторіи, волновали его, какъ еще неразрѣшенные вопросы ума и сердца, порождая борьбу мыслей со всѣми ея томленіями и скорбями“ ³⁾. Получивъ католическое воспитаніе, Фесслеръ въ порывѣ религіозной экзальтаціи, 17 лѣтъ вступилъ въ орденъ капуциновъ. Черезъ 10 лѣтъ (въ 1783 г.) онъ поступилъ въ масонскую ложу и, встрѣтивъ непріязнь со стороны католическихъ монаховъ, оставилъ католичество и перешелъ въ лютеранство ⁴⁾. „Ревностнѣйшій масонъ и иллюминатъ,—говоритъ о немъ баронъ М. А. Корфъ,—человѣкъ необыкновенно умный, ученый, съ блестящимъ перомъ и даромъ слова, онъ, по мнѣнію многихъ, не щеголялъ, однакоже, нравственными своими правилами“ ⁵⁾. По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ въ январѣ 1810 г. ⁶⁾, онъ сразу сталъ въ близкое и тѣсное отношеніе къ Сперанскому.

¹⁾ „Ист. С.-Петерб. Духов. Акад.“, стр. 182—183.

²⁾ Свидѣтельница о немъ дана: въ Вѣстн. Евр. 1873 г., кн. 11, стр. 241—243; въ Рус. Вѣст. 1868 г., 74 т., стр. 504—508; въ цит. соч. Сушк., стр. 40—41; въ цит. соч. Чистов. стр. 193—198; 249—250

³⁾ „Ист. С.-Петерб. Духов. Акад.“, стр. 249.

⁴⁾ Христ. Чт., 1871 г., ч. 1, стр. 984: „Въ память Сперанскаго“.

⁵⁾ „Жизнь графа М. М. Сперанскаго“, ч. 1, стр. 256.

⁶⁾ Рус. Вѣст., 1868 г., 74 т., стр. 505.

Она скоро сблизилась между собою именно потому, что сходны были по складу своей внутренней жизни. Могучая душа Сперанскаго, какъ и душа Фесслера, постоянно работала надъ собой, пытаясь разрѣшить вѣчно томящія ее вопросы о томъ невидимомъ, вѣчномъ, духовномъ царствѣ, которому она принадлежитъ по своей природѣ. Онъ если не былъ массономъ и мистикомъ въ полномъ смыслѣ, какимъ былъ Фесслеръ, то во всякомъ случаѣ имѣлъ сильную склонность къ мистицизму. Наклонность М. М. Сперанскаго къ послѣднему замѣтна была уже въ 1803—1804 гг., когда онъ велъ переписку съ извѣстнымъ русскимъ мистикомъ Ив. Вл. Лопухинымъ ¹⁾. Думаютъ даже, что онъ и Фесслера вызвалъ изъ Берлина съ цѣлю именно познакомиться съ давно интересовавшими его тайнами мистицизма и иллюминатства ²⁾. По крайней мѣрѣ извѣстно, что когда Фесслеръ, сразу по приѣздѣ своемъ въ Петербургъ, устраивалъ у себя домашнюю масонскую ложу, то и онъ поступилъ въ члены ея, хотя посѣтилъ ее только два раза ³⁾.

При такомъ духовномъ сродствѣ съ Фесслеромъ Сперанскій сразу сталъ обнаруживать къ нему особое благоволеніе. Узнавъ изъ первыхъ бесѣдъ съ Фесслеромъ объ его обширныхъ философскихъ познаніяхъ, онъ предложилъ ему, кромѣ еврейскаго языка, читать въ Академіи и философію, на что, конечно, тотъ изъявилъ свое полное согласіе. Это частное предложеніе Сперанскаго было 19 февраля 1810 г. формально утверждено и „Комиссіей“ ⁴⁾. Тогда же Фесслеру поставлено было въ обязанность представить на разсмотрѣніе „Комиссіи“, чрезъ посредство академическаго правленія,

¹⁾ См. письма Ив. Лопухина къ Сперанскому въ 1804—1805 гг. Рус. Архивъ 1870 г., стр. 614—618.

²⁾ Корфъ. „Жизнь гр. Сперанскаго“, т. 1, стр. 260, 1861 г.

³⁾ Ibid., стр. 261.

⁴⁾ Ж. К. Д. Уч. 19 февр. 1810 г. „Руков. дѣят. дух. прос.“, стр. 47.

конспекты по обоимъ предметамъ—еврейскому языку и философіи. Благодаря отличной рекомендаціи Сперанскаго, Фесслеръ сталъ пользоваться вниманіемъ и другихъ свѣтскихъ членовъ „Комиссіи“. Между прочимъ, кн. Голицынъ, въ то время уже начавшій увлекаться мистицизмомъ, также благоволилъ къ Фесслеру. Благоволеніе это онъ выразилъ, напр., порученіемъ Фесслеру составить свои замѣчанія и совѣты „объ образѣ ученія въ классахъ (въ Академіи) и о внутреннемъ распорядкѣ его у студентовъ“¹⁾.

Но Теофилактъ не раздѣлялъ преклоненія Сперанскаго и Голицына предъ личностью подозрительнаго иностранца, такъ какъ онъ чуждъ былъ увлеченія мистицизмомъ. Правда, онъ, какъ мы уже видѣли, отчасти, былъ близко знакомъ съ нашими лучшими представителями мистицизма—Голицынымъ, Лопухинымъ, Сперанскимъ и Лабзинымъ, разсуждалъ съ ними о Сведенборгѣ и его видѣніяхъ, о внутренней церкви, что составляло догму мистицизма,—и пользовался расположеніемъ этихъ лицъ²⁾; тѣмъ не менѣе мистическое созерцаніе вовсе къ нему не привилось, оставаясь для него только занятой умственной игрой. Положительная натура Теофилакта имѣла слишкомъ много здраваго смысла для того, чтобы увлекаться тонкостями мистицизма. Сперанскій съ Лопухинымъ старались, какъ показываетъ напечатанная въ Русскомъ Архивѣ ихъ взаимная переписка, привлечь его на свою сторону, но безуспѣшно. „Очень бы я желалъ,—писалъ извѣстный И. В. Лопухинъ къ Сперанскому 24 ноября 1804 г., чтобъ вы продолжали переписку съ Теофилактомъ, хотя онъ и не знаетъ прямую цѣну Фелелону, коимъ, я надѣюсь, вы у насъ будете, ежели продолжите усердіе къ званію вашему на этомъ пути“. Въ слѣдующемъ году 13-го октября Лопухинъ, возвращаясь изъ

¹⁾ „Русск. дух. архив. проск.“, стр. 77.

²⁾ Рус. вѣст. 1868 г., 74 т., стр. 491.

Крыма, видѣлся въ Калугѣ съ Теофилактомъ и писалъ о немъ къ Сперанскому: „преосвященный, кажется, нисколько еще не получилъ вкуса къ прямой чистотѣ дѣла. Въ отвѣтахъ его къ вамъ, которые онъ мнѣ читалъ, довольно то видно изъ его понятій о Фенелонѣ и о связи его съ m-me Guion¹⁾. Впрочемъ, онъ имѣетъ многія достоинства²⁾. Какъ видимъ, означенная переписка въ смыслѣ вліянія на душевное настроеніе преосвященнаго не имѣла успѣха. Вообще близкое отношеніе Теофилакта къ указаннымъ нашимъ лучшимъ мистикамъ говоритъ, по мнѣнію проф. Н. Покровскаго³⁾, только о томъ, что онъ былъ человѣкъ, способный сочувствовать всякому проявленію трезвой и живой мысли, привыкшій цѣнить независимость убѣжденій и готовый въ случаѣ нужды открыто поспорить за самостоятельность собственныхъ воззрѣній. Когда рѣчь шла объ одномъ принципѣ, какъ проявленіи чистой мысли, безоотносительно къ осуществленію на дѣлѣ, въ жизни, Теофилактъ могъ съ охотой разсуждать о немъ, даже одобрять его, какъ прогрессивное явленіе въ области разума; но когда вопросъ переносился на практическую почву, когда рѣчь шла о проведеніи этого принципа въ жизнь, о смѣнѣ, напр., якобы отжившихъ формъ христіанства новыми—мистическими, тогда эта пропаганда встрѣчала со стороны его энергичный протестъ. Для него въ этомъ случаѣ свое собственное убѣжденіе было выше всѣхъ личныхъ привязанностей, дружбы, протекціи. Онъ, напр., зналъ мистическія наклонности Сперанскаго и Голицына, зналъ ихъ административную силу, понималъ, что въ нихъ—главная опора его блестящаго положенія, и, несмотря

¹⁾ Фенелонъ и г-жа Гуйонъ—французскіе мистики начала XVIII в., сочиненія которыхъ пользовались популярностью у насъ во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX вв.

²⁾ Письма Лопухина къ Сперанскому. Рус. Арх. 1870, стр. 614.

³⁾ Страницы 1877 г., к. 1, стр. 336—337.

на это, когда предстояло рѣшить вопросъ о томъ, воспитываться ли академическому юношеству на началахъ мистицизма, или православія,—смѣло высказался противъ „внутренней церкви“, за что и подвергся непріятностямъ со стороны своихъ прежнихъ патроновъ.

Религіозно-нравственная паткость Фесслера, по слухамъ, еще до вызова его въ Петербургъ, была извѣстна Теофилакту. Вотъ почему послѣдній сопротивлялся самому приглашенію Фесслера въ Академію и уступилъ только настоянію кн. Голицына и Сперанскаго. Впрочемъ, о немъ Теофилактъ могъ составить болѣе или менѣе ясное представленіе уже вскорѣ послѣ поступленія его въ духов. Академію. Въ это время, именно въ февралѣ 1810 г.¹⁾, въ нѣмецкихъ „ученыхъ извѣдностяхъ“ появился разборъ одного изъ сочиненій Фесслера, подъ заглавіемъ „Терезія“, гдѣ сказано было, что авторъ прошелъ всѣ степени вѣры, сомнѣній и знаній,—потерялъ первую, отринулъ послѣднія и сдѣлался яркимъ мистикомъ—идеалистомъ. Преосвященный, постоянно слѣдившій за развитіемъ западно-европейской литературы, конечно, сразу узналъ объ этомъ разборѣ. Кажется, не безъ участія его самого этотъ разборъ былъ переведенъ на русскій языкъ и напечатанъ. Затѣмъ для него, конечно, не было тайной то вліяніе Фесслера на петербургское общество, какое онъ сталъ имѣть сразу же по своемъ прѣѣздѣ, устроивъ у себя домашнюю масонскую ложу²⁾. Не безызвѣстна для него была также особенная близость Фесслера къ Сперанскому и Голицыну по причинѣ ихъ взаимнаго духовнаго мистическаго сродства. Все это начало вызываетъ въ немъ опасеніе за будущее направленіе воспитанія академическаго юношества. Онъ началъ понимать, что неприлично и даже небезопасно имѣть такого человѣка на кафедрѣ православной

¹⁾ Христ. Чит. 1871 г., ч. 2, стр. 984; „Въ память Сперанскаго“.

²⁾ Прав. Собес. 1885 г., сентябрь, стр. 78—79.

духовной Академіи, такъ какъ въ будущихъ служителяхъ церкви онъ можетъ поселить увлеченіе вредными крайностями мистицизма. Подобное опасеніе могло явиться у Оеофилакта особенно въ виду того сильнаго вліянія, какое сталъ оказывать иностранецъ-мистикъ на студентовъ Академіи. Послѣдніе всѣ восхіяались Фесслеромъ: „вліяніе Фесслера на своихъ учениковъ было обширно, говоритъ митр. московскій Филаретъ, въ своихъ „воспоминаніяхъ“¹⁾. Я помню, одинъ студентъ вышелъ изъ Академіи безъ вѣры въ Искушителя, какъ Бога“. Студенты особенно начали увлекаться философскими воззрѣніями Фесслера, какія онъ, пользуясь авторитетомъ европейскаго ученаго, предлагалъ имъ даже на лекціяхъ еврейскаго языка. Какого рода были эти философскія воззрѣнія—это Оеофилактъ увидѣлъ ясно изъ представленныхъ Фесслеромъ въ „Комиссію“ конспектовъ по преподаванію философіи, еврейскаго языка и церковныхъ древностей. Эти конспекты окончательно убѣдили преосвященнаго въ томъ, что пребываніе иностранца на академической кафедрѣ можетъ быть опаснымъ и вреднымъ для воспитанія и образованія академическаго юношества. Поэтому Оеофилактъ рѣшился всѣми силами добиться удаленія Фесслера изъ Академіи. Прежде всего онъ написалъ основательную критику на конспекты Фесслера и представилъ ее въ „Комиссію“.

Эти конспекты по преподаванію философіи, еврейскаго языка и церковныхъ древностей были разсматриваемы „Комиссіей“ 23 апрѣля 1810 г.²⁾ Какимъ порядкомъ они были разсматриваемы, какія происходили въ „Комиссіи“ по поводу ихъ разсужденія—неизвѣстно. Въ журналѣ „Комиссіи“ того же числа указано только такое общее заключеніе, что

¹⁾ Прав. Обзор. 1868 г., т. 26, стр. 512.

²⁾ Ж. К. Д. Уч. 23 апр. 1810 г. „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 50.

„Комиссія“, „найдя изъясненіе философіи проф. Фесслера темнымъ, постановила истребовать отъ него другой конспектъ, въ коемъ онъ философію, которую преподавать намѣренъ, изложилъ бы въ яснѣйшемъ видѣ, и именно по методѣ и терминологіи вольфіанской“¹⁾). Очевидно, конспектъ философіи найденъ былъ неудобнымъ, но, чтобы не сказать прямо, что онъ не годится, Комиссія постановила, чтобъ онъ былъ передѣланъ по методѣ и терминологіи вольфіанской, съ которою онъ не имѣлъ ничего общаго. Здѣсь-то и выступилъ противъ Фесслера Теофилактъ. Онъ прямо не согласился на такое снисходительное къ иностранцу постановленіе и 9 іюля представилъ въ „Комиссію“ отдѣльно свое „мнѣніе“ съ приложеніемъ критическихъ замѣчаній на конспекты Фесслера. „Философскія начала, писалъ онъ, г. Фесслеромъ изложенныя, которыя онъ, какъ изъяснился въ своемъ конспектѣ, ни лживо показать, ни утаить не можетъ, довольно понятны для меня, что и утверждалъ я и въ присутствіи, при разсужденіи объ оныхъ. Но, къ душевному моему прискорбію, одолжаюсь сказать, что сіи начала нахожу весьма вредными для церкви и отечества и пагубными для студентовъ. Въ доказательство того и другого прилагаю при семъ замѣчанія мои на конспекты его для еврейскаго языка, церковныхъ древностей и философскихъ наукъ, внесенные въ Комиссію“²⁾). Сущность замѣчаній Теофилакта на философскій конспектъ Фесслера сводилась къ тремъ положеніямъ: 1) Во-первыхъ, по словамъ пресвященнаго, „философія Фесслера, миновавъ естественный ходъ познаній человѣческихъ, страннымъ образомъ производитъ начало оныхъ отъ разума, независимо отъ чувствъ. Опытъ показываетъ, что человѣкъ ничего не знаетъ и знать не можетъ безъ самочувствованія и безъ ощущенія] впечатлѣній извнѣ

¹⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 51.

²⁾ *Христ. Чт.* 1871 г. к. 2 стр. 289

Фесслеръ мыслить объ этомъ совѣтъ иначе. Онъ говоритъ, что разумъ изъ врожденной себѣ первоначальной идеи произраждаетъ общія свои идеи и отражаетъ ихъ въ разсудокъ черезъ зеркало сознанія. Врожденная первоначальная идея есть произвольное положеніе, которое Фесслеръ доказать не можетъ. О врожденныхъ идеяхъ онъ судитъ совершенно ложно, почитая ихъ дѣятельными и живыми способностями души, дѣйствующими независимо отъ чувствъ, что опровергается самымъ опытомъ. Основавшись на ложномъ началѣ о познаніи души человѣческой, Фесслеръ для непосредственной дѣятельности разума назначаетъ міръ невидимый. Но св. Павелъ пишетъ къ Римлянамъ: „невидимая отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть и присносущная сила Его и Божество (Рим. 1, 20).—2) Фесслеръ вступаетъ въ разнорѣчіе съ общечеловѣческимъ убѣжденіемъ: приписываетъ началамъ человѣческихъ познаній только условную и подлежательную вещественность и истину. Предметная вещественность и истина есть цѣль трудовъ философа и конецъ изслѣдованій; но разсматриваемая философія уничтожаетъ предметную вещественность и явно выдаетъ себя за идеалистическую. По ея началамъ, предметы, извнѣ насъ дѣйствующіе, не имѣютъ даже и условной вещественности, т. е. суть не иное что, какъ призраки. Начала, которымъ г. Фесслеръ неуклонно слѣдовать обѣщается, суть начала разрушительныя, а не созидательныя. Фесслеръ подрываетъ религію, принявъ въ основаніе философіи своей пагубныя мнѣнія иллюминатовъ; вводитъ Платонову философію, которая въ первыхъ трехъ вѣкахъ христіанства столько же породила ересей, сколько вольнодумцевъ во Франціи произвела Локкова метафизика.. кромѣ Платоновой философіи болѣе 25 лѣтъ онъ руководится ученіемъ Плотина, которое въ особенности было покровительствуемо у языческихъ императоровъ. И, наконецъ,—3) Фесслеръ не оправдываетъ требованій, изъясненныхъ въ проектѣ устава духовныхъ академій относи-

Труды Киевской дух. Акад. Т. III. 1905 г.

тельно преподаванія философіи въ Академіи, какъ науки, долженствующей быть въ подчиненіи высшему положительному авторитету“ ¹⁾).

Мы нарочно подробно изложили содержаніе замѣчаній преосвященнаго на философскій конспектъ Фесслера, чтобы показать несправедливость тѣхъ сужденій о ложномъ направленіи его ума, которыя высказали—преосв. Филаретъ, арх. черниговскій, проф. Чистовичъ и современникъ Теофилакты Сперанскій. Всѣ эти три лица находили въ философскихъ замѣчаніяхъ преосвященнаго явные слѣды грубаго „кондиляковского“ сенсуализма. „Замѣчанія его (Теофилакты) на Фесслеровъ конспектъ философіи, говоритъ преосв. Филаретъ, немного дѣлаютъ чести узкому кондиляковскому (sic!) уму его“ ²⁾. По словамъ профессора Чистовича, Теофилакты, „упрекая Фесслера въ идеализмъ и понтеизмъ, самъ впалъ въ крайность грубаго сенсуализма“ ³⁾. М. М. Сперанскій въ своемъ особомъ мнѣніи, представленномъ имъ въ „Комиссію“, имѣя въ виду тѣ же замѣчанія Теофилакты, высказался такъ: „цѣль философскаго образованія въ точномъ разумѣ устава Академіи не въ томъ состоитъ, чтобы продолжать мрачную систему матеріализма, на коей вся чувственная философія основана, но чтобы, отвергнувъ всѣ сіи суесловныя блужденія разума, призвать и приготовить къ христіанской философіи... коей источниковъ тщетно будемъ мы искать въ глазахъ, въ ушахъ, въ рукахъ и въ прочихъ чувствахъ“ ⁴⁾. Но всѣ эти мнѣнія объ увлеченіи преосвященнаго крайностями сенсуализма едва-ли справедливы. Теофилакты, какъ можно видѣть изъ изложеннаго нами со-

¹⁾ „Истор. С.-Петерб. Духов. Акад.“, стр. 197—198; ср. Христ. Чт. 1871 г., ч. 2, стр. 990.

²⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 51.

³⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 51—52.

держанія его замѣчаній на философскій коллсектъ Фесслера, совсѣмъ не высказывалъ того сенсуалистическаго взгляда, что источникомъ познанія служатъ только опытъ и внѣшнія чувства. Не отрицая врожденности идей вообще, онъ вооружался только противъ неправильнаго ея пониманія. Онъ именно старался опровергнуть тотъ взглядъ Фесслера, по которому главнымъ источникомъ познанія служатъ идеи, врожденные человеку якобы въ готовомъ объективномъ содержаніи. Признавая значеніе внѣшнихъ чувствъ въ области познанія,—значеніе далеко не безусловное,—онъ не становился на одну точку зрѣнія съ Кондильякомъ, не отождествлялъ душу съ сенсуалистической „*tabula rasa*“. Онъ если и выставлялъ слишкомъ ярко значеніе внѣшнихъ чувствъ въ познаніи, то въ виду только той цѣли, чтобы сильнѣе поразить крайній идеализмъ Фесслера, который допускалъ возможность познанія вещей безъ помощи внѣшнихъ чувствъ, путемъ какого-то непосредственнаго созерцанія. Теофилактъ, однимъ словомъ, старался провести тотъ, съ точки зрѣнія современной положительной науки, совершенно правильный взглядъ на познаніе, по которому въ послѣднемъ должны имѣть, на ряду съ апріорными источниками, равное, если не большее, значеніе естественный фактъ и опытъ.

Что же касается замѣчаній Теофилакта на Фесслеровъ планъ преподаванія еврейскаго языка и древностей и обрядовъ греческой, латинской и російской церкви, то ихъ нужно признать еще болѣе основательными. „Намѣреніе профессора, писалъ, напр., онъ, показать разные діалекты, имѣющіе одно основаніе съ еврейскимъ языкомъ, похвально; но того одобрить нельзя, что онъ хочетъ на діалектѣ арабскомъ читать исторію патріарха Іосифа въ томъ видѣ, какъ она изложена въ коранѣ, ибо исторія сія въ коранѣ попорчена и представлена баснею. „Мнѣ пужло доказать, говоритъ Фесслеръ, что церковь есть вѣрный отпечатокъ, предначертаніе, даже предверіе царствія Божія, т. е. царства благочестія в

премудрости, которое внутри насъ“. Такая мистика при древностяхъ, замѣчаетъ преосв. Теофилактъ, совсѣмъ не нужна. Это есть часть богословія такая, съ которою очень осторожно надобно обращаться и которая, по незнакомію еще настоящихъ мыслей Фесслера, отнюдь не должна быть ему поручена. Кромѣ того, сія мистика заключаетъ въ себѣ что-то странное и необыкновенное. Раздѣливъ всѣ предметы, входящіе въ кругъ церковныхъ древностей, на три части, Фесслеръ говоритъ, что „всякое ученіе составляютъ символическія изображенія созерцаній и идей благочестивыхъ“. Очень желательно, замѣчаетъ преосв. Теофилактъ, чтобы профессоръ избавилъ насъ отъ своихъ „созерцаній“, которыя явно ведутъ къ идеализму и излишнее поселяютъ надѣяніе на разумъ. Вѣра происходитъ не отъ созерцаній умственныхъ, но отъ слуха: слухъ же глаголомъ Божиимъ (Рим. X, 17). Всѣ церковные обряды, по словамъ Фесслера, суть драматическія и лирическія представленія. Не ясно ли, что объ обрядахъ церкви думаетъ онъ, какъ о трагедіяхъ и операхъ, представляемыхъ на театрѣ? Обѣщается говорить о монахахъ и постахъ,—не знаю, какъ будетъ онъ изъясняться о сихъ и прочихъ подобныхъ предметахъ, будучи такого вѣроисповѣданія, которое не имѣетъ первыхъ и отвергаетъ послѣдніе. Говорить въ пользу нашей православной церкви значитъ измѣнить своей религіи. Не знаю, согласится ли на сіе Фесслеръ. Можетъ быть, если согласится, то симъ докажетъ индифферентизмъ, т. е. равнодушіе ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Учить же противно мнѣнію нашей церкви пагубно для студентовъ и не было бы позволено. Здѣсь для него Сцилла и Харибда. Изложивши сіи предметы, Фесслеръ хочетъ говорить о древностяхъ русской церкви. Но гдѣ онъ возьметъ о ней свѣдѣнія, когда русскаго языка не знаетъ? Что же касается до иностранныхъ сочиненій, то ихъ очень мало, и притомъ всѣ несправедливы. Потому

говоритъ онъ, что „нѣкоторыхъ нужныхъ книгъ для студентовъ совсѣмъ нѣтъ нигдѣ, и что должно имъ писать его лекціи. Какая же причина сего недостатка? Никто еще, говоритъ онъ, древностей церковныхъ не подводилъ подъ идеализмъ созерцанія и для того онъ берется сочинить для древностей свою книгу. Эта книга должна непременно быть такая, какой нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Напередъ угадать можно, что она будетъ заключать въ себѣ такія мысли, кои авторъ изложилъ въ конспектѣ, и коихъ ни одинъ еще сочинитель не осмѣлится выдать въ свѣтъ. На сей книгѣ, въ предосторожность читателей, прилично будетъ поставить эпитафюмъ сіи слова Апостола: блюдитесь, да никто будетъ вась прельщай философіей по стихіямъ міра, а не по Христѣ (Кол. XI, 8)“¹⁾.

Результатомъ такой основательной и строгой критики на конспекты Фесслера было увольненіе послѣдняго отъ должности профессора Академіи, состоявшееся именно 9-го іюля 1810 г. Въ этотъ день кн. Голицынъ представилъ въ „Комиссію“ препровожденную къ нему М. М. Сперанскимъ копію съ Высочайшаго указа 22 іюня объ опредѣленіи Фесслера въ Комиссію законовъ въ качествѣ корреспондента по уголовному праву. Сперанскій пытался было защищать программу Фесслера, ссылаясь на то, что всѣ статьи ея находятъ подтвержденіе въ твореніяхъ св. отцовъ²⁾. Но правда Теофилакта въ данномъ случаѣ была признана „Комиссіею“, и онъ восторжествовалъ: Фесслеръ, по предложенію „Комиссіи“, вышелъ въ отставку. За то это временное торжество Теофилакта повлекло за собою много непріятныхъ для него послѣдствій. „Это обстоятельство, говоритъ баронъ М. А. Корфъ, въ біографіи М. М. Сперанскаго³⁾, разсорило Тео-

¹⁾ „Руков. дѣят. дух. просв.“. Чистов., стр. 52—53.

²⁾ Рус. Вѣстк. 1868 г. 74 т., стр. 50.

³⁾ „Жизнь гр. Сперанскаго“, ч. 1, стр. 22.

филакта не только съ Сперанскимъ, но и съ кн. Голицынымъ“. Дѣйствительно, послѣ описаннаго случая Сперанскій и кн. Голицынъ стали охлаждать къ Оеофилакту. Обнаружившаяся ясно разность ихъ душевнаго настроенія стала преградой для новаго ихъ сближенія между собою.

Такимъ образомъ, Оеофилактъ потерялъ одно изъ главныхъ условій своего блестящаго и вліятельнаго положенія: его авторитетъ и вліяніе въ обществѣ, Св. Синодѣ и Академіи должны были, безъ поддержки Голицына и Сперанскаго, поколебаться. Сначала, впрочемъ, поколебался, авторитетъ его только въ той части петербургскаго свѣтскаго общества, которая увлекалась мистицизмомъ. Последняя, дѣйствительно, сразу же послѣ исторіи изъ-за Фесслера отвернулась отъ Оеофилакта, ставши называть его обскурантомъ, гасильникомъ просвѣщенія и т. п. Что же касается дѣятельности его въ Св. Синодѣ, въ Комиссіи духовныхъ училищъ и въ Академіи, то она еще пока сохраняла прежнюю силу и авторитетъ, и только со временемъ, когда явились для преосвященнаго Оеофилакта новыя неблагопріятныя условія, она должна была ихъ лишиться.

Въ описанной исторіи изъ-за Фесслера важенъ былъ не самъ по себѣ фактъ протеста знаменитаго іерарха-профессора противъ допущенія Фесслера къ занятію каведры въ духовной Академіи; важно было обнаруженное въ лицѣ преосв. Оеофилакта, по поводу даннаго факта, несочувствіе, нерасположеніе къ мистицизму. Последнее въ то время было какъ разъ не кстати, особенно въ Петербургѣ. Религіозный мистицизмъ, занесенный къ намъ съ Запада въ концѣ XVIII в., въ это время (т. е. около 1810—1812 гг.) началъ оказывать сильное и широкое вліяніе на петербургское интеллигентное общество. Имъ пачали увлекаться даже очень многіе выдающіеся государственные дѣятели, какъ, напр., кн. Голицынъ, Сперанскій, Лопухинъ, на которыхъ мы раньше указывали. Теперь мы упомянемъ еще объ од-

номъ извѣстномъ и вліятельномъ въ то время мистикѣ— Лабзинѣ (1766—1826 г.), состоявшемъ съ 1799 г. на службѣ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и съ 1818 г. сдѣлавшемся вице-президентомъ Академіи Художеств¹⁾. Лабзинъ извѣстенъ многими своими мистическими сочиненіями; въ 1806 г. онъ, между прочимъ, издавалъ мистическій журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“. Но особенно усиленное движеніе религіозной мистики стало замѣчаться въ Петербургѣ и вообще въ Россіи со времени побѣды Александра I надъ Наполеономъ въ 1812 г. Побѣда эта направила русскихъ людей къ признанію сверхъестественной силы, дѣйствовавшей по своимъ планамъ наперекоръ земнымъ расчетамъ и замысламъ. Торжествующій русскій духъ видѣлъ свой первый долгъ въ смиреніи предъ непостижимымъ ходомъ вещей. Самъ императоръ Александръ смотрѣлъ на себя, какъ на избранника свыше, какъ на орудіе Провидѣнія, отрицая вліяніе собственной воли. Мистическое чувство, при врожденной къ тому наклонности, равно какъ и подъ дѣйствіемъ исторической роли, выпавшей ему на долю, глубоко коренилось въ его сердцѣ²⁾. Вместе съ расширеніемъ религіознаго мистицизма, въ нѣкоторой части русскаго общества стала замѣчаться въ это время и усиленная реакція противъ всего иностраннаго, особенно противъ либеральнаго французскаго просвѣщенія съ его раціонализмомъ и натурализмомъ. Такая реакція имѣла своею причиною отчасти живое пробужденіе въ русскомъ обществѣ національнаго самосознанія подъ вліяніемъ побѣды надъ непобѣдимымъ до 1812 г. Наполеономъ. Отсюда, естественно, что въ эту эпоху должны были, такъ сказать, отойти на задній планъ тѣ русскіе общественные дѣятели, которые заявляли себя, съ одной стороны, поклонниками иностраннаго—особенно

¹⁾ „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 155.

²⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 156.

французскаго образованія (крайними или умѣренными—все равно), съ другой—противниками мистицизма. Поэтому и преосв. Теофилактъ, оставаясь навсегда вѣрнымъ поклонникомъ (хотя въ самомъ умѣренномъ и лучшемъ смыслѣ) французскаго образованія и противникомъ мистицизма, естественно рано или поздно долженъ былъ сойти съ высоты занимаемаго имъ блестящаго общественнаго положенія и удалиться со столичной сцены.

Въ эту пору возсіяло въ Петербургѣ новое свѣтило церкви, слава котораго затмила не одного только Теофилакта. Мы разумѣемъ іер. Филарета Дроздова, молодого наставника С.-Петербургской духовной Академіи, а впоследствии знаменитаго митрополита московскаго. Благодаря своему замѣчательному проповѣдническому таланту, іером. Филаретъ Дроздовъ въ короткое время сдѣлался знаменитостью въ столицѣ. Уже первая его проповѣдь, произнесенная въ 1810 г. въ день Благовѣщенія, обратила на себя вниманіе столичной интеллигенціи, такъ какъ, помимо своего художественнаго достоинства, она имѣла своимъ предметомъ излюбленную мистиками тему „о внутреннемъ царствіи Божіемъ въ душѣ человека“. Эта проповѣдь очень понравилась кн. Голицыну и вообще всѣмъ тѣмъ, которые были уже объаты мистическимъ настроеніемъ¹⁾. Такимъ же громаднымъ успѣхомъ пользовались и послѣдующія проповѣди Филарета, по преимуществу имѣвшія своимъ предметомъ постоянныя и любимыя темы мистиковъ, какъ-то, напр.: о соединеніи человека съ Богомъ, о возрожденіи, о внутреннемъ храмѣ²⁾. Напр., въ словѣ на Рождество Христово (сказ. въ 1811 г.) Филаретъ говорилъ о самоуниженіи, необходимомъ человеку для устроенія внутри себя храма Божія. Самоуничиженіе,

¹⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“. стр. 54.

²⁾ „Истор. русской словесности“, А. Галаховъ, 1880 г., стр. 453—458.

какъ путь къ высочайшему благу, было постояннымъ требованіемъ мистиковъ: „Боже! да буду я ничто! и все, что не Ты, да истребится во мнѣ!—вотъ молитва, воплощающая въ насъ Слово („Сіонскій Вѣстникъ“, 1817 г., декабрь: „О союзѣ Бога съ человѣкомъ“¹⁾). Конечно, выборъ Филаретомъ подобныхъ темъ для своихъ первыхъ петербургскихъ проповѣдей не свидѣтельствовалъ о подчиненіи его стороннему вліянію. Филаретъ былъ мистикомъ по своему природному душевному настроенію. Это была натура аскета, постоянно сосредоточеннаго въ самомъ себѣ, любившаго предаваться въ одиночествѣ богومیслию, созерцанію таинственнаго духовнаго міра. Такое настроеніе, дѣйствительно, сродняло Филарета съ мистицизмомъ, и его лучшими представителями, отличавшимися высокими, истинно-христіанскими духовными стремленіями. Что же касается ложныхъ теоретическихъ основъ мистицизма, въ которыхъ онъ расходился съ православною церковію,—именно мистическаго пантеизма съ примѣсью дуализма, отрицанія значенія вѣроисповѣдныхъ разностей, обрядовъ,—признанія нравственнаго ученія существеннымъ въ религіи и т. п.,—то Филаретъ, конечно, и не думалъ ими увлекаться. Но не такъ посмотрѣлъ Оеофилактъ на первые проповѣдническіе труды іером. Филарета. Онъ весьма недовѣрчиво отнесся къ нимъ, заподозрѣвъ въ нихъ именно крайнія мистическія тенденціи. Сначала онъ это подозрѣніе хранилъ при себѣ, но потомъ былъ вынужденъ высказать его открыто, предъ другими. Въ первый разъ Оеофилактъ высказалъ открыто это подозрѣніе въ Троицынъ день (18-го іюня 1811 г.). Въ этотъ день Филаретъ долженъ былъ говорить, по назначенію митроп. Амвросія, проповѣдь въ Александро-Невскомъ монастырѣ на тему „о дѣйствіяхъ Св. Духа“. Явившись къ литургіи въ лаврскій соборъ и войдя въ

¹⁾ „Истор. русск. словесн.“, Галаховъ, стр. 453—458.

алтарь, іером. Филаретъ встрѣился здѣсь съ Оеофилактомъ, который, узнавши, что Филаретъ будетъ проповѣдывать въ тотъ день, попросилъ у него приготовленную имъ проповѣдь для ознакомленія. Тотъ далъ. Оеофилактъ началъ читать; тогда же въ душѣ его, вѣрно, явилось подозрѣніе насчетъ мистическаго духа и направленія данной проповѣди, но, не высказавъ тотчасъ своего подозрѣнія, онъ, молча, отдалъ Филарету проповѣдь. Въ свое время проповѣдь была произнесена. Послѣ литургіи жившіе въ лаврѣ, участвовавшіе въ служеніи и нѣкоторые изъ свѣтскихъ лицъ приглашены были къ митрон. Амвросію на обѣдъ. За обѣдомъ А. О. Лабзинъ (мистикъ) въ разговорѣ съ кѣмъ-то привелъ въ подтвержденіе какихъ-то своихъ словъ мѣсто изъ слышанной имъ въ тотъ день проповѣди Филарета. Увидѣвъ, что самые ярые приверженцы мистицизма нашли въ проповѣди Филарета выраженіе и подтвержденіе своихъ тенденцій, Оеофилактъ сразу же пришелъ къ той мысли, что таившееся въ его душѣ подозрѣніе было истиной. И вотъ послѣ этого онъ открыто рѣшается заявить свой протестъ противъ проблесковъ мистицизма въ проповѣди Филарета. Онъ прямо говоритъ Лабзину, что слышанная имъ проповѣдь Филарета отзывается духомъ мистическаго пантеизма. По этому поводу загорѣлся у него съ Лабзинцемъ споръ, прекратившійся только по усиленному настоянію митр. Амвросія¹⁾. Конечно, Оеофилактъ былъ не правъ въ томъ, что такъ строго и подозрительно отнесся къ молодому проповѣднику: указанная проповѣдь Филарета не заключала въ себѣ ничего пантеистическаго. За то высказанный Оеофилактомъ въ данномъ случаѣ смѣлый и открытый протестъ про-

¹⁾ Мы передали данный фактъ на основаніи разсказа о немъ самого митрон. Филарета (см. „Изъ воспомн. митр. Филарета“. Прав. Обзор. 1868 г. 26 г., ст. 513), придавши ему только иное освѣщеніе, по нашему мнѣнію, болѣе истинное.

тивъ мистицизма вообще дѣлаетъ ему, безъ сомнѣнія, великую честь. Вѣрный себѣ, онъ воспользовался удобнымъ случаемъ высказаться прямо о всегдашнемъ своемъ нерасположеніи къ мистицизму, несмотря на ясное сознаніе имъ того, что подобнымъ поступкомъ онъ наноситъ ущербъ выгодамъ собственнаго общественнаго положенія. И дѣйствительно, въ данномъ случаѣ Оеофилактъ не себѣ, а Филарету только принесъ пользу. Этотъ поступокъ только усилилъ сочувствіе и вниманіе къ іером. Филарету со стороны кн. Голицына, митрон. Амвросія, Лабзина и др. Кн. Голицынъ, прочтя присланную митр. Амвросіемъ проповѣдь Филарета, заявилъ въ Синодѣ, что ее надо напечатать, какъ замѣчательную по духу и изложенію ¹⁾). Затѣмъ онъ просилъ митрополита назначать Филарету проповѣдь на каждый праздникъ, и самъ постоянно началъ посѣщать по праздникамъ лавру вмѣстѣ съ Лабзинымъ и другими лицами, какъ, напр., — статсъ-секрет. А. Н. Оленинымъ, директоромъ Департамента духовн. дѣлъ А. И. Тургеневымъ, дипломатомъ Стурдзой и др. ²⁾). Онъ же рекомендовалъ Филарета Императору Александру I и выхлопоталъ ему 30 іюня 1811 г. наперсный крестъ, украшенный драгоценными камнями, „за отличіе въ проповѣданіи Слова Божія“. Вскорѣ за тѣмъ іером. Филаретъ былъ произведенъ въ архимандриты. Такъ быстро возвышался тотъ, которому пришлось играть не малую роль въ послѣдней судьбѣ Оеофилакта.

Чтобы выяснитъ значеніе быстрого возвышенія Филарета въ столицѣ для судьбы Оеофилакта, мы здѣсь кратко охарактеризуемъ доселѣ бывшія взаимныя отношенія между указанными знаменитыми личностями. Впервые Оеофилактъ и Филаретъ встрѣтились въ 1809 г. Первый находился

¹⁾ Н. Сущковъ, цит. соч., стр. 24—25. Рус. Вѣст. 1868 г. 74 т., стр. 503.

²⁾ „Труды Кіев. дух. Акад.“ 1868 г., апрѣль, стр. 130—131. Статья С. Новомарева: „Высокопреосв. Филаретъ, митр. Москов. и Колом.“

тогда на верху славы и величія, а второй въ санѣ іеродіакона только начиналъ скромную свою дѣятельность въ качествѣ вызваннаго по рекомендаціи митр. Амвросія изъ Троицкой семинаріи академическаго бакалавра и преподавателя Петербургской семинаріи. Встрѣча ихъ была довольно замѣчательная. Вотъ какъ самъ Филаретъ разсказываетъ о ней. „Вскорѣ послѣ того, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, ректоръ (Академіи) Евграфъ повезъ меня къ Теофилакту. Тотъ спросилъ, чему я учился. Я отвѣчалъ: философіи. Онъ вздумалъ сдѣлать мнѣ экзамень, спросилъ: что есть истина? Я, знакомый только со старыми вольтіанскими и лейбницевыми понятіями философскими, отвѣчалъ: истина логическая есть то-то, истина метафизическая—то-то. Теофилактъ не удовольствовался, спросилъ: что есть истина вообще? Я затруднялся, не зная, что отвѣчать. Спасибо ректору: онъ вывелъ меня изъ замѣшательства шуткою. „На этотъ вопросъ, сказалъ онъ Теофилакту, не давай отвѣта и Христосъ Спаситель“. Вопросы Теофилакта перешли къ языкамъ. Узнавъ о знакомствѣ моемъ съ языками древними—еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ, онъ рекомендовалъ непремѣнно учиться и какому-нибудь изъ новыхъ, а въ особенности французскому, увѣряя, что на немъ пишутъ или на немъ переводятъ все примѣчательное въ наукѣ“. Какъ видно изъ этого разсказа, іерод. Филаретъ оскорбился подобнымъ пріемомъ со стороны Теофилакта. Но едва ли послѣдній имѣлъ цѣлью сдѣлать Филарету оскорбительный и унижительный для него экзамень. Намъ представляется этотъ первый оказанный Теофилактомъ Филарету пріемъ такъ. Теофилактъ увидѣлъ предъ собой молодого преподавателя Троицкой семинаріи, вызваннаго для бакалаврства въ Академію и отрекомендованнаго С.-Петербургскимъ митр. Амвросіемъ и Московскимъ митрополитомъ за отличнаго проповѣдника и весьма способнаго человѣка. Теофилакту, по свойственной ему выг-ливости и любознательности, захотѣлось лично познакомиться

съ дѣйствительными способностями, умственнымъ развитіемъ и направленіемъ этого молодого рекомендованнаго учителя. И вотъ, безъ всякихъ насмѣшекъ, унижительныхъ замѣчаній, не давая чувствовать Филарету своего желанія освѣдомиться объ его познаніяхъ, Оеофилактъ началъ разговоръ съ нимъ вполне естественнымъ вопросомъ: „чему учился“? При этомъ, такъ какъ у него было всегда въ обычаѣ озадачивать новичка неожиданнымъ вопросомъ¹⁾, то и въ данномъ случаѣ онъ предложилъ Филарету подобный вопросъ; рѣчь зашла о философіи: „что есть истина“? Узнавши, что философскія познанія Филарета не велики, Оеофилактъ далъ ему совѣтъ познакомиться и позаняться изученіемъ новыхъ языковъ для обогащенія себя свѣдѣніями изъ иностранныхъ литературъ. Уже этотъ благой совѣтъ доказываетъ, что Оеофилактъ отнюдь не задавался цѣлію унизить и оскорбить своимъ приѣмомъ молодого бакалавра. Да и въ послѣдующихъ взаимныхъ отношеніяхъ Оеофилактъ не имѣлъ, кажется, намѣренія выказывать къ Филарету нерасположеніе по какому-либо личному раздраженію. За это говоритъ, напр., слѣдующій фактъ, передаваемый самимъ Филаретомъ. Когда преосв. Оеофилактъ, уже послѣ своей опалы, жилъ въ Рязанской епархіи, Филаретъ послалъ ему свою только что вышедшую церковно-библейскую исторію. И вотъ Оеофилактъ въ своемъ отвѣтномъ къ Филарету любезномъ письмѣ выразился такъ: „между учеными могутъ быть несогласія и споры, но ссоръ не должно быть“²⁾. Въ приведенныхъ сейчасъ словахъ Оеофилакta можно видѣть истинную разгадку тѣхъ, дѣйствительно лишенныхъ взаимнаго расположенія, отношеній, въ какихъ стали между собою Оеофилактъ и Филаретъ. Оба эти замѣчательные русскіе іерарха не ссорились между собою изъ-за личныхъ причинъ, а просто не

¹⁾ Руск. Вѣсти. 1868 г. 74 т., стр. 500.

²⁾ Прав. Обзор. 1868 г. 26 т., стр. 517: „Изъ восп. м. Филарета“.

сошлись изъ-за разности въ направленіи и духовномъ настроеніи. Оеофілактъ дѣйствительно не особенно благоволилъ къ Филарету, но именно потому только, намъ кажется, что ему не понравилось умственное направленіе Филарета, ясно обнаружившееся при описанномъ уже ихъ первомъ разговорѣ. Последнею именно причиною, кажется, и объясняется то, что Оеофілактъ (имѣвшій тогда большое вліяніе въ „Комиссіи“) не позаботился устроить іером. Филарета въ С.-Петербургской Академіи сразу же по вызовѣ его изъ Москвы. Известно, что только 8-го февраля 1810 г.¹⁾, Филаретъ назначенъ былъ преподавателемъ въ духовную Академію, до этого же времени онъ только считался бакалавромъ Академіи, будучи на службѣ собственно въ Петербургской семинаріи (въ должности инспектора); между тѣмъ какъ вызванный съ нимъ одновременно (въ началѣ 1809 г.) калужскій семинарскій преподаватель—Леонидъ Зарѣцкій—былъ сразу же назначенъ въ Академію помощникомъ Оеофілакта въ профессорскихъ занятіяхъ по классу словесныхъ наукъ. Конечно, Оеофілактъ былъ съ своей точки зрѣнія въ данномъ случаѣ правъ: „Комиссія“ ему предоставила право выбрать себѣ помощникомъ по каедрѣ словесныхъ наукъ, кого бы онъ ни пожелалъ²⁾, онъ и выбралъ Зарѣцкаго, котораго хорошо зналъ по Калужской семинаріи и который дѣйствительно заявилъ себя даже въ Академіи даровитымъ проповѣдникомъ³⁾ Но съ нашей точки зрѣнія Оеофілактъ былъ не правъ въ такомъ предпочтеніи Зарѣцкаго Филарету; онъ несправедливо оцѣнилъ такого великаго и талантливаго человѣка, какимъ былъ Филаретъ; мы уже видѣли, какъ строго и подозрительно онъ отнесся къ первымъ проповѣдямъ Филарета.

¹⁾ Труды Кіев. дух. Акад. 1868 г., апрѣль, стр. 126.

²⁾ „Истор. С.-Петерб. духов. Акад.“ Чистов., стр. 182.

³⁾ Ibid, стр. 251.

Само собою разумѣется, и Филаретъ не могъ бытъ расположеннымъ къ Оеофилакту. Въ разговорѣ съ близкими онъ никогда не скрывалъ своего нерасположенія къ Оеофилакту, обнаруживая его въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ; онъ ставилъ, напр., Оеофилакту въ упрекъ его свѣтское направленіе, относя къ свѣтскости его то, что онъ въ проповѣдяхъ касался политическихъ предметовъ и въ обществѣ говорилъ по-французски ¹⁾). За то въ отношеніи къ митр. Амвросію Филаретъ обнаруживалъ полное расположеніе, такъ какъ митр. Амвросій дѣйствительно отнесся къ нему благосклонно и внимательно, сразу же по пріѣздѣ его изъ Москвы. Онъ сталъ правою рукою митр. Амвросія, помогая ему во всѣхъ дѣлахъ; между прочимъ, онъ поддерживалъ митр. Амвросія въ его столкновеніяхъ съ Оеофилактомъ, желая возстановить его авторитетъ въ Синодѣ и вообще въ Петербургѣ. Запрещеніе Оеофилакту проповѣдывать въ Петербургѣ, послѣдовавшее отъ имени митр. Амвросія въ 1811 г., было однимъ изъ первыхъ дѣйствій Филарета, направленныхъ противъ Оеофилакта въ защиту авторитета митр. Амвросія. Дѣло было такъ. Яко-бы Оеофилактъ въ одной изъ своихъ проповѣдей 1811 г. представилъ преклоннаго старца, обремененнаго дѣлами, вмѣсто котораго управляетъ молодой человѣкъ по своей волѣ, прикрываясь авторитетомъ старца, которымъ онъ успѣлъ совершенно овладѣть. Весь Петербургъ яко-бы увидѣлъ здѣсь намекъ на митрополита и бакалавра Филарета. Преосв. Амвросію крайне было досадно, но онъ не зналъ, какъ заградить уста Оеофилакту. Здѣсь-то и помогъ ему Филаретъ. По совѣту его, во время засѣданія въ Синодѣ митр. Амвросій раскрылъ Кормчую и, молча положивъ ее предъ Оеофилактомъ, указалъ пальцемъ на слѣдующее мѣсто: „да не будетъ позволено епископу во

¹⁾ Правосл. Обзор. 1868 г. 26 т., стр. 512.

иномъ градѣ, не принадлежащемъ ему, всенародно учить, аще ли же кто усмотрѣнъ будетъ творящимъ сіе, да предстанетъ отъ епископства и да совершаетъ дѣла пресвитерства“ (120 прав. VI Всел. соб.). Оеофилактъ не могъ ничего возразить противъ такого запрещенія, и съ тѣхъ поръ не проповѣдывалъ въ Петербургѣ ¹⁾

Но Оеофилактъ, повидимому, не примѣчалъ, что противъ него дѣйствуетъ Филаретъ, именно въ видахъ защиты митр. Амвросія, а если и замѣчалъ, то былъ слишкомъ увѣренъ въ своей силѣ и прочности своего положенія и не допускалъ мысли, чтобы на той высотѣ, на какой онъ стоялъ, могъ повредить ему молодой, начинающій монахъ. Оеофилактъ, не обращая вниманія на то, что онъ уже потерялъ симпатію къ себѣ Сперанскаго и Голицына, продолжалъ властно дѣйствовать въ „Комиссіи“ и въ Академіи. Онъ постоянно былъ занятъ заботами по устроенію духовно-учебныхъ заведеній. Такъ, напр., въ 1811 г. онъ составилъ инструкціи для духовныхъ училищъ, имѣющія цѣлю ввести во всѣхъ этихъ заведеніяхъ единообразіе преподаванія. Эти инструкціи были напечатаны и разосланы „Комиссіею“ во всѣ училища и семинарскія правленія С.-Петербургскаго округа ²⁾. 25 февраля того-же года Оеофилактъ внесъ въ „Комиссію“ замѣчанія на нѣкоторые параграфы начертанія правилъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ: именно по поводу оставленія малоусѣвшихъ учениковъ въ училищахъ на повторительные курсы и объ обязательномъ записываніи всѣхъ священнослужительскихъ дѣтей извѣстнаго училищнаго округа въ вѣдомство ихъ приходскихъ училищъ съ 6-ти лѣтняго возраста. „Комиссія“ признала эти замѣчанія Оеофилакta уважительными и постановила поднести ихъ къ

¹⁾ Рус. Вѣст. 1868 г. 74 т., стр. 493.

²⁾ Ж. К. Д. У. 14 февраля 1811 г., ст. 2; 1812 г., ст. 7, „Рус. дѣят. духов. просв.“, стр. 55.

Высочайшему утверждению ¹⁾. Того же числа „Комиссія приняла и другое предложеніе Оеофилакта: перевести на русскій языкъ „Сравнительную исторію философскихъ системъ“ де-Жерандо и сдѣлать ее учебной книгой для Академіи, вмѣсто Бруккеровой философ. исторіи. Самъ Оеофилактъ, „по усердію своему къ общей пользѣ“, принялъ на себя переводъ третьяго тома означенной исторіи; переводъ же двухъ другихъ томовъ, по его предложенію, „Комиссія“ рѣшила поручить московскому митр. Платону и казанскому архіепископу Павлу ²⁾.

Но такое властное и авторитетное положеніе Оеофилакта въ „Комиссіи“ продолжалось не долго. Паденіе его приближалось. Предвѣстникомъ его былъ уже слѣдующій случай. Въ мартѣ 1812 г. въ С.-Петербургской Академіи открылась ректорская вакансія, такъ какъ бывшій до этого времени ректоръ архим. Сергій былъ назначенъ епископомъ въ Кострому. Оеофилактъ предложилъ въ качествѣ кандидата на эту вакансію своего помощника по кафедрѣ словесныхъ наукъ—Леонида Зарѣцкаго, какъ старшаго по академической службѣ и имѣвшаго уже званіе исправляющаго должность профессора, а митр. Амвросій предложилъ избрать Филарета. „Комиссія“ утвердила избраніе Филарета, а Леониду въ утѣшеніе присвоила профессорское званіе съ штатнымъ окладомъ. Леониду даже не предложили вакантнаго тогда мѣста—ректора семинаріи, которое бы дало ему благоприятный выходъ изъ его неловкаго положенія ³⁾. Такое невниманіе „Комиссіи“ къ Леониду должно было быть чувствительнымъ и для Оеофилакта. Послѣдній увидѣлъ, что его голосъ началъ терять свое авторитетное значеніе. Впрочемъ, эта неудача была, такъ сказать, только косвенною не-

¹⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 56 и 57.

²⁾ Ж. К. Д. У. 25 февр. 1811 г., стр. 42; *ibid.*, стр. 56.

³⁾ „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 61.

пріятностію для Теофилакта. И послѣ этого, по крайней мѣрѣ, повидимому, Теофилактъ еще прочно стоялъ на занятой имъ позиціи. Онъ даже былъ удостоенъ еще Высочайшей награды. Такъ, 30 августа 1812 г.¹⁾ Теофилактъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго,—такую награду, которая въ то время для 47-ми лѣтняго монаха могла быть названа необыкновенной.

Начало прямого и дѣйствительнаго паденія Теофилакта относится уже къ концу 1812 г. Виновникомъ его быть, кажется, кн. Голицынъ. Около этого времени кн. Голицынъ сталъ особенно увлекаться религіознымъ мистицизмомъ; онъ попалъ въ руки тайкомъ пробравшихся къ намъ агентовъ Ангійскаго Библейскаго общества, ставши слѣпымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. „Князя Голицына, говоритъ современникъ этихъ событій Александръ Ск. Стурдза, обступили многорѣчивые защитники безусловнаго распространенія слова Божія на всѣхъ языкахъ, мимо всякаго надзора и съ устраненіемъ вообще всѣхъ толкованій на божественный текстъ. Шумъли, увѣрили, что въ идеѣ Библейскаго Общества—новое издѣніе Св. Духа на всякую плоть, что съ помощію одной книги можно будетъ христіанству исторгнуть обветшалыя цѣлены, обойтись безъ церкви и достигнуть соединенія въ духѣ истины“²⁾. Какъ человекъ направленія, кн. Голицынъ, въ эту пору особенно усиленнаго своего увлеченія религіознымъ мистицизмомъ, если, съ одной стороны, сталъ особенно расположеннымъ къ тѣмъ, которые подходили къ его тогдашнему душевному настроенію, то, съ другой—сталъ чувствовать особую неурязнь къ тѣмъ, которые расходились съ нимъ въ симпатіяхъ къ мистицизму. Отсюда, напр., къ архим. Филарету онъ все это время сталъ особенно благо-

¹⁾ „Рус. Старина“, 1876 г., т. XV, стр. 272.

²⁾ „Рус. Старина“, 1876 г., т. XV, стр. 272.

волить. Князь даже очень желалъ стать духовнымъ сыномъ своего друга, но мудрый другъ не согласился быть его духовникомъ: короткость ихъ отношеній и нѣкоторая зависимость одного отъ другого были, безъ сомнѣнія, главной причиной его отказа¹⁾. За то въ отношеніи къ Оеофилакту князь сталъ заявлять себя совѣтъ наоборотъ. Зная нерасположеніе Оеофилакта къ мистицизму, его неблаговоленіе къ направленію проповѣдей Филарста, да и къ самому Филарету; зная притомъ, что Оеофилактъ въ ту эпоху живого пробужденія національнаго сознанія и нерасположенія ко всему иностранному оставался поклонникомъ французскаго образованія, князь не только пересталъ быть его другомъ (какимъ онъ пересталъ быть еще послѣ исторіи съ Фесслеромъ), но, кажется, и сдѣлался главнымъ его гонителемъ. Но Голицынъ не могъ сразу низвести Оеофилакта съ высоты занимаемаго имъ положенія. Послѣдній не сдѣлалъ ничего такого, чѣмъ можно было бы воспользоваться для прямого нападенія на него; напротивъ, его многоплодная и энергичная дѣятельность какъ въ Св. Синодѣ, такъ и въ Академіи невольно должна была вызвать къ себѣ уваженіе, хотя бы со стороны самого же Голицына. Отсюда противъ него нужно было дѣйствовать косвеннымъ и постепеннымъ путемъ. Сначала нужно было благороднымъ образомъ временно удалить его изъ Петербурга, чтобы отгѣснить отъ дѣлъ Св. Синода и Академіи, а затѣмъ уже, по достиженіи этого, можно было его удалить и навсегда изъ Петербурга. Такъ кн. Голицынъ, кажется, и дѣйствовалъ.

Послѣ выступленія изъ Москвы войскъ Наполеона въ сентябрѣ 1812 г., для Синода явилась очень важная забота по приведенію въ порядокъ разоренныхъ непріателемъ епархій. Кромѣ Москвы разоренію отъ непріателей подверглась длинная и широкая полоса земли на западъ по пути слѣдо-

¹⁾ Труды Кіев. дух. Акад. 1868 г., апрѣль, стр. 135.

ванія непріятельской армії до самой границы. Комиссія духовныхъ училищъ, „будучи движима усердіемъ къ общему благу и состраданіемъ къ бѣдствіямъ, понесеннымъ чрезъ вторженіе врага въ предѣлы нашего отечества, постановила: на воспособленіе духовенству и возстановленіе церквей, монастырей, духовныхъ школъ и архіерейскихъ домовъ отдѣлить 3,500,000 р., предоставивъ эту сумму въ полное и совершенное вѣдѣніе Св. Синода“¹⁾. Вслѣдствіе такого постановленія Комиссіи, Св. Синодъ счелъ необходимымъ послать въ разоренныя епархіи одного изъ своихъ членовъ, съ цѣлію надлежащаго разслѣдованія дѣйствительнаго ихъ положенія и надѣленія ихъ пожертвованными деньгами. Вотъ этою-то, возникшею для Синода, необходимостію кп. Голицынъ воспользовался для того, чтобы благороднымъ образомъ удалить Теофилакта на время изъ Петербурга. Именно онъ, вѣрно, указалъ Св. Синоду и Государю на Теофилакта, какъ на лицо, вполне подходящее для выполненія указанного порученія. Благодаря ему, конечно, Теофилактъ получилъ 27 ноября 1812 г. слѣдующій лестный для себя Высочайшій рескриптъ: „По изгнаніи врага изъ предѣловъ Смоленской губерніи,—сказано было въ томъ рескриптѣ—Я поспѣшилъ возстановить богослуженіе и возвратить церквямъ пастырей. Находя нужнымъ употребить къ тому члена Св. Синода, призываю на дѣло сіе Ваше Преосвященство. *Извѣстная мнѣ опытность ваша и дѣятельность по управленію епархіей, вамъ ввѣренной, подастъ надежду въ успѣшномъ выполненіи возложеннаго нынѣ порученія.* Вы отправитесь немедленно въ Смоленскъ, гдѣ употребите всѣ возможныя усилія къ приведенію епархіи по всѣмъ ея частямъ въ надлежащее устройство, требуя къ тому содѣйствія и отъ мѣстнаго архіерея. На дорогу и содержаніе

¹⁾ Ж. К. Д. У. 5 ноября, 1812 г.; „Рус. дѣят. дух. просв.“, стр. 63.

ваше получите изъ моего кабинета 5 тысячъ рублей, о чемъ и дано уже кому слѣдуетъ повелѣніе. Вашею обязанностию будетъ еженедѣльно доносить Синоду какъ о дѣйствіяхъ вашихъ, такъ и о нужныхъ вамъ пособіяхъ къ приведенію епархіи Смоленской въ должный порядокъ. По мѣрѣ того, какъ могутъ быть очищаемы отъ непріятеля и другія мѣста, оной сопредѣльныя, вы будете распространять на тѣ части ваше вліяніе на правѣ дѣлаемой вамъ довѣренности. Св. Синодъ не оставитъ, съ своей стороны, дать мѣстнымъ начальствамъ надлежащія по сему предписанія. Молю Бога, да ниспослетъ вамъ силы скоро устроить все къ славѣ имени Его, къ пользѣ служителей Алтаря, къ обрадованію сыновъ православной церкви“. Въ Высочайшемъ указѣ Св. Синоду отъ того же числа сказано было, между прочимъ: „Св. Синодъ не оставитъ предписать мѣстнымъ начальствамъ, чтобы всѣ приказанія преосв. Θεοφιλακτα были приводимы въ исполненіе на тотъ разъ, какъ бы самыя предписанія Синода“¹⁾. Повидимому, такое лестное, полное Монаршаго довѣрія и вниманія, порученіе должно было только служить къ вящей славѣ Θεοφιλακτα,—но на дѣлѣ, благодаря Голицыну, оно послужило только къ началу его дѣйствительнаго паденія. Это даже признаетъ и перасположенный къ нему современникъ покойный митр. московскій Филаретъ. По словамъ Филарета, полученное Θεοφιλαктомъ отъ Комиссіи назначеніе въ командировку для обозрѣнія разоренныхъ въ 1812 г. епархій было именно началомъ его паденія²⁾. Мы не можемъ съ увѣренностію сказать, что самъ Θεοφιλαктъ, когда только получилъ такое порученіе, сознавалъ, что оно служить къ его паденію, но несомнѣнно, что подъ конецъ выполненія даннаго порученія онъ долженъ былъ сознать

¹⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 63—64.

²⁾ Прав. Обзор. 1868 г., 26 т., стр. 517.

это. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но Теофилактъ все-таки пришлось выѣхать изъ Петербурга въ назначенную командировку въ началѣ декабря 1812 г.¹⁾

Въ силу Высочайшаго указа онъ долженъ былъ направить путь свой сначала въ Смоленскую епархію. Въ Смоленскѣ въ это время не было ни архіерея, ни губернатора. Тамошній архіерей Ириней Фальковский еще 5 августа выѣхалъ изъ города съ чудотворною иконою Божіей Матери, и съ того времени до декабря духовенство не сообщалось съ нимъ, по незнанію его мѣстонахожденія. Теофилактъ отправился въ Смоленскую епархію чрезъ Торжокъ, и 10 декабря прибылъ въ г. Сычевку. Здѣсь имъ сдѣланы были первыя распоряженія о пособіи духовенству. „Здѣсь же“, доноситъ онъ Голицыну 11 декабря, „услышалъ я, что преос. Смоленскій чрезъ Тверь проѣхалъ на г. Ржевъ, Тверской губ., а отсюда пробирается на г. Бѣлый своей паствы, который, какъ говорятъ, совершенно уцѣлѣлъ отъ вторженія непріятельскаго. Чрезъ попутчика дажъ я ему зналъ, чтобъ онъ непремѣнно повидался со мною, и именно въ г. Вязьмѣ. Впрочемъ, я недолго пробуду въ г. Вязьмѣ и поспѣшу въ Смоленскъ. Гражданскіе чиновники неохотно собираются въ Смоленскъ подъ предлогомъ, что отъ разоренія мало тамъ осталось домовъ, способныхъ для жительства. Поэтому-то и преосв. Смоленскій разѣзжается по границамъ своей паствы. При свиданіи не оставлю поставить ему на видъ, что начальникъ не долженъ находится вдали отъ страждущихъ подчиненныхъ²⁾. 12 декабря Теофилактъ прибылъ въ Вязьму и, сдѣлавъ распоряженіе о пособіи, 16-го послалъ донести Св. Синоду и того же числа писалъ къ кн. Голицыну: „Сегодня оба мы съ преосв. Смоленскимъ

¹⁾ „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 65.

²⁾ „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 66—67.

отправляемся въ Смоленскъ, только разными путями: я ѣду черезъ Ельну на почтовыхъ, а онъ опять на Бѣлый на протяжныхъ. Четыре дня пробыли мы въ Вязьмѣ и другъ друга не видали. П. Н. Каверинъ (Калужскій губернаторъ, въ то время управлявшій и Смоленской губ.) пытался увидѣться съ нимъ и не допущенъ подъ предлогомъ дорожнаго утружденія. Авось сойдуся съ нимъ въ Смоленскѣ, гдѣ намѣреваюсь церемониально встрѣтить чудотворный образъ Смоленскія Богоматери, хранящійся теперь въ г. Бѣломъ“. Въ томъ же письмѣ Оеофилактъ сообщаетъ кн. Голицыну о претерпѣваемыхъ имъ въ Вязьмѣ неудобствахъ въ отношеніи помѣщенія. „Я, писалъ онъ, какъ кратковременный житель, опять очутился среди болящихъ. Въ занимаемомъ мною домѣ на дняхъ умерла женщина; вскорѣ за выѣздомъ моимъ отсюда долженъ умереть и хозяинъ дома по увѣренію врача“. Такія же неудобства Оеофилактъ претерпѣвалъ и въ Смоленскѣ, куда онъ прибылъ 19 декабря. Весь городъ, по его словамъ, обращенъ былъ въ госпиталь. Пострадавшихъ въ Смоленской епархіи и церквей и духовныхъ лицъ было столько, что Оеофилактъ никакъ не могъ удовлетвориться при распредѣленіи пособій выданною ему суммой. А выдано ему было „Комиссією“ на обзаведеніе священно-церковнослужителей и учителей духовныхъ училищъ только 10 тысячъ рублей, съ предоставленіемъ еще, впрочемъ, права кредитоваться въ казенныхъ палатахъ тѣхъ губерній, которыя заняты были непріятелемъ, до 5 тысячъ рублей¹⁾. Отсюда Оеофилактъ долженъ былъ отыскивать другіе источники для пособій, и при всемъ томъ онъ вынужденъ былъ назначать пособія въ такихъ ограниченныхъ размѣрахъ, что самъ Синодъ предписалъ ему удваивать и утроивать назначаемыя имъ выдачи.

¹⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 68 и 65.

Отмѣчая незначительность суммы, отпущенной въ распоряженіе Теофилакта для пособій духовенству и церквамъ разоренныхъ епархій, мы имѣли въ виду тѣмъ опровергнуть возводимое на Теофилакта Ростиславовымъ обвиненіе, что яко бы онъ не могъ представить „Комиссіи“ отчета въ громадной части суммы, которую ему поручено было раздать духовенству и церквамъ. „Различно объясняли это, иронически замѣчаетъ Ростиславовъ¹⁾: одни говорили, что онъ потерялъ деньги, другіе, что ихъ укралъ у него келейникъ, третьи, разумѣется, враги его, что онъ ихъ истратилъ на самого себя. Честность Теофилакта подверглась сильному подозрѣнію“. Но, какъ мы видѣли, „огромной“ суммы преосв. Теофилактъ въ своихъ рукахъ не имѣлъ: 10—15 тысячъ нельзя назвать огромной суммой, въ сравненіи съ числомъ лицъ пострадавшихъ и съ ихъ неотложными нуждами. Точно также несправедливо и взводимое Ростиславовымъ на Теофилакта обвиненіе въ томъ, яко бы онъ во время описываемой командировки очень негуманно поступалъ съ Могилевскимъ архіереемъ, Варлаамомъ Шимацкимъ, совершивъ надъ послѣднимъ публичную церемонію снятія епископскаго сана. „Пріѣхавши въ Могилевъ, передаетъ объ этомъ г. Ростиславовъ, и остановившись въ домѣ архіерен, Теофилактъ увѣрилъ послѣдняго въ томъ, что ему нечего опасаться за свой поступокъ, и убѣдилъ его отслужить въ ближайшій, воскресный или праздничный, день обѣдню. Несчастный согласился на это и пришелъ съ обыкновенною торжественностію въ соборъ. Но когда его облачили и нужно было приступить къ богослуженію, тогда Теофилактъ передалъ синодскій указъ протодіакону, который съ амвона и прочиталъ его. Послѣ этого тотчасъ архіерен разоблачили, надѣвши монашескую рясу на него. По разсказу моихъ могилевскихъ

¹⁾ См. его „Записки“ въ Рус. Стар. 1895 г., мартъ, стр. 107.

товарищей по Академіи, бывшій владыка простоялъ всю обѣдню, опершись руками на трость, съ поникшей головой и въ слезахъ,—потомъ отведенъ былъ въ какой-то монастырь, куда и зачисленъ, какъ простой монахъ. Поступивши такимъ образомъ со своимъ возлюбленнымъ братомъ о Христѣ, Оеофилактъ, разумѣется, не могъ опасаться никакихъ за это преслѣдованій; проступокъ былъ вполнѣ въ тогдашнемъ, такъ сказать, вкусъ¹⁾.

Но въ дѣйствительности дѣло Варлаама далеко не такъ происходило, какъ передаетъ г. Ростиславовъ. Оеофилактъ не былъ ни судьей его, ни исполнителемъ состоявшаго о немъ приговора Св. Синода. Участіе его въ дѣлѣ Варлаама выразилось только въ томъ, что онъ, въ силу постановленія Св. Синода отъ 24 декабря 1812 г., объявилъ Варлааму 29 декабря того же года въ Могилевѣ Высочайшій указъ объ устраненіи его отъ кафедры и произвелъ о дѣлѣ его слѣдствіе. Какъ выяснилось изъ произведеннаго Оеофилактомъ слѣдствія, проступокъ Варлаама состоялъ въ томъ, что 14 іюля 1812 г., „побывавъ напередъ съ консисторскими членами у маршала Даву, отправился въ кафедральный Іосифовскій соборъ, и тамъ со всѣми консисторскими членами, секретаремъ, канцелярскими служителями и со всѣмъ народомъ учинилъ присягу по слѣдующей формѣ: я, нижеименованный, клянусь Всемогущимъ Богомъ въ томъ, что установленному правительству отъ Его Императорскаго Величества, Французскаго Императора и Италійскаго Короля, Наполеона имѣю быть вѣрнымъ, и всё повелѣнія его исполнять и дабы исполняемы были стараться буду; послѣ чего отслужилъ литургію и молебенъ, съ воспоминаніемъ Наполеона и супруги его; 3 августа, въ день тезоименитства Наполеона, Варлаамъ снова служилъ въ соборѣ литургію и

¹⁾ „Руск. Старина“, 1895 г., мартъ, стр. 106—107.

молебень; на литургіи соборный священник Піючевскій произнесъ составленную Варлаамомъ проповѣдь, въ которой о Наполеонѣ говорилось: „на комъ болѣе дѣйствуетъ Всевышній Промыслъ, какъ не на великомъ Наполеонѣ? Его чрезвычайны подвиги велики, дѣла пресловуты; событія дальновидныхъ его намѣреній приводятъ въ удивленіе всю вселенную“¹⁾. Изложивъ все это въ дописаніи Св. Синоду, Оеофилактъ писалъ къ кн. Голицыну отъ 2 января 1813 г. „Патріотическая и преданная Государю душа Вашего Сіятельства содрогнется при чтеніи препровождаемыхъ при семъ бумагъ. Я очень доволенъ самимъ собою, что поспѣшилъ пріѣздомъ въ Могилевъ, безъ чего Высочайшая воля осталась бы въ половину только выполненною, и на сіе не требовалось бы весьма много времени. Врасплохъ забратыя бумаги обнаружили все, и немало хитростей было употребляемо, чтобъ выманить ихъ изъ моей канцеляріи“²⁾. Такая умѣлая, успѣшная, энергичная дѣятельность Оеофилакta, по-видимому, нашла для себя вполне милостивую оцѣнку со стороны кн. Голицына. Послѣдній письмомъ отъ 4 февраля выразилъ Оеофилактору благодарность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. „Я не могу иначе начать моего письма, какъ изъясненіемъ истинной признательности за всѣ Ваши благоразумныя распоряженія по возложенной комиссіи. Духовенство разоренныхъ епархій, послѣ всѣхъ несчастій, испытанныхъ отъ варварскаго оружія непріятеля, должно считать себя счастливымъ, имѣя въ Васъ прозорливаго попечителя. Самъ Богъ да дастъ Вамъ по достоинству. Я уповаю на благость Его, что Онъ сохранитъ Вамъ здоровье и даруетъ Вамъ силы на перенесеніе подлежащихъ трудовъ. Продол-

¹⁾ Записки игумена Ореста о г. Могилевѣ, помѣщенные въ прил. ко второму тому „Археогр. сборн. документовъ, относящихся къ исторіи сѣв.-зап. Руси“. Вильна, 1867 г., стр. 80—96.

²⁾ „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 72.

жайте, преосв. Владыко, успокоивать страждущее человечество, наипаче не падите денегъ. Св. Синодъ сверхъ требуемаго Вами количества призналъ нужнымъ нѣсколько прибавить, какъ Вы усмотрите изъ посылаемаго нынѣ же указа“ ¹⁾. Къ Пасхѣ (1813 г.) Голицынъ постарался даже выхлопотать Θεοφιлакту бриллиантовый крестъ на клобукъ ²⁾. Но такіе внѣшніе знаки милостиваго вниманія кн. Голицына къ Θεοφιлакту далеко не свидѣтельствовали о дѣйствительномъ, искреннемъ расположеніи князя къ нему въ описываемое время. Вотъ, напр., первое доказательство этому. Когда Θεοφιлактъ, закончивши съ успѣхомъ всѣ свои дѣла и порученія по устроенію назначенныхъ ему для ревизіи епархій—Смоленской, Могилевской, Минской и Волынской, началъ проситься въ Петербургъ, то Голицынъ безъ всякаго основанія долго не внималъ его просьбамъ. 31 марта Θεοφιлактъ написалъ письмо къ Голицыну, въ которомъ убѣдительноше просилъ отпустить его, указывая на то, что онъ успѣлъ закончить всѣ свои дѣла, и что, кажется, нѣтъ причинъ держать его въ Смоленскѣ долѣе Θоміиной недѣли. Однакожъ князь Голицынъ продержалъ его въ Смоленскѣ весь апрѣль. Ясно, что кн. Голицынъ для какихъ-то заднихъ цѣлей хотѣлъ подольше продержать Θεοфилакта внѣ Петербурга. Но вотъ, наконецъ, ему въ маѣ разрѣшили пріѣхать въ Петербургъ. И что же? Его приняли холодно: квартиру свою въ Академіи онъ нашелъ занятою, и потому долженъ былъ отправиться на Калужское подворье; въ Академіи уже водворилось вліяніе ея ректора Филарета и митр. Амвросія ³⁾. Вотъ тогда-то, вѣрно, стало ясно для Θεοфилакта, зачѣмъ его Голицынъ постарался отправить въ описанную коман-

¹⁾ „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 74.

²⁾ Ibid., стр. 77.

³⁾ Русскій Вѣстн. 1868 г., 74 т., стр. 511—512, „Изъ прошлаго“. Срав. Прав. Обзор. 1868 г., 26 т., стр. 517; „Изъ восп. м. Филарета“.

дировку. Впрочемъ, онъ не потерялъ энергіи и не убоялся направляемыхъ противъ него происковъ: съ прежнею ревностію онъ тотчасъ же по приѣздѣ принялся за дѣла. Приѣхавъ въ Петербургъ 19-го мая (1813 г.), онъ уже 28-го участвовалъ въ засѣданіи Св. Синода, въ которомъ подписать исполнительное постановленіе объ архіепископѣ Варлаамѣ¹⁾. По Высочайше утвержденному докладу Св. Синода было постановлено лишить Варлаама архіерейства и священства, оставивъ его только въ монашескомъ чинѣ. Исполненіе этого приговора было поручено черниговскому арх. Михаилу; при чемъ была указана и форма обряда, который ему подлежало соблюсти. Въ указѣ преосв. Михаилу было сказано, что „когда архіепископъ Варлаамъ доставленъ къ нему будетъ, въ то время, по сношенію съ гражданскимъ губернаторомъ назнача день, собрать въ кафедральный соборъ монастырскихъ настоятелей и градское духовенство, а потомъ, введя въ оный его, архіепископа, въ полномъ облаченіи и постави посреди церкви, объявить прочтеніемъ чрезъ консисторскаго секретаря Высочайше конфирмованный докладъ, а по объявленіи, снявъ съ него чрезъ ключаря съ протодіакономъ все архіерейское облаченіе съ знаками ордена св. Анны 1-ой ст. и возложь приличное монаху одѣяніе, обязать подпискою, чтобы онъ отнынѣ впредь не токмо архіереемъ, но ниже іеромонахомъ не именовался и не писался“. Распоряженіе это архіеп. Михаилъ привелъ въ исполненіе 29-го іюня 1813 г.²⁾ Ростиславовъ, очевидно, не правъ, приписывая именно Теофилакту исполненіе означеннаго синодальнаго приговора 6-го іюня.

Теофидактъ внесъ въ „Комиссію дух. учил.“ составленный имъ, по ея порученію, проектъ штата для церковныхъ причтовъ, въ которомъ рельефно выставилъ неудобства пред-

¹⁾ „Замѣтка“ А. Гаврилова на „записки Д. И. Ростислав.“ Странички 1895 г., августъ, стр. 452.

²⁾ „Странички“, 1895 г., августъ, стр. 452—453.

ложеннаго Комитетомъ 1807 г. распредѣленія церквей на классы на основаніи получаемаго духовенствомъ денежнаго дохода и предложить сдѣлать это распредѣленіе сообразно нуждамъ и пользѣ епархіальнаго управленія; проектъ былъ принятъ и утвержденъ „Комиссіей“¹⁾.

Но участь Оеофилакта уже была рѣшена. Недоброжелатели его, воспользовавшись однимъ обстоятельствомъ изъ его профессорской дѣятельности въ Академіи, готовили ему въ это время большую непріятность. Сущность дѣла состояла въ слѣдующемъ. Еще въ началѣ своей профессорской дѣятельности въ духовной Академіи Оеофилактъ поручилъ студентамъ: Павскому, Кутневичу, Малову и др. перевести на русскій языкъ нѣкоторыя статьи изъ вышедшаго въ то время (1809 г.) въ Германіи сочиненія Ансильона, подъ названіемъ: *Melanges de litterature et de philosophie*. Въ этомъ случаѣ онъ руководился исключительно искреннимъ желаніемъ познакомить студентовъ съ лучшими идеями современныхъ мыслителей объ изящномъ²⁾. Соединивъ переведенныя статьи въ одну рукопись, подъ названіемъ — „Эстетическія разсужденія Ансильона“, Оеофилактъ въ ноябрѣ 1810 г. представилъ ее въ „Комиссію духов. училищъ“, для изданія ея въ видѣ пособія студентамъ по классу словесныхъ наукъ. „Я ручаюсь, писалъ онъ въ своемъ предложеніи Комиссіи, не токмо за вѣрность перевода, но и за то, что изданіе въ свѣтъ сихъ превосходныхъ и единственныхъ въ своемъ родѣ разсужденій не малую принесетъ пользу обучающимся словесности въ высшихъ духовныхъ училищахъ“³⁾. Комиссія, въ силу постановленнаго ею правила, „дабы всякое сочиненіе членовъ комиссіи или переводъ собственно ими, или подъ ихъ руководствомъ сдѣланный, былъ раз-

1) „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 77—78.

2) Вѣстн. Европы. 1873 г. 12 кн., стр. 613—614.

3) Христ. Чт. 1871 г., 2 ч., стр. 994—995; 2-ое примѣч.

смаатриваемъ однимъ изъ членовъ по ея назначенію“, поручила разсмотрѣніе „Эстетическихъ разсужденій Ансильона“ члену своему, протопресвитеру Криницкому¹⁾.

Но Криницкій скоро убѣдился въ томъ, что данное ему „Комиссіей“ порученіе поставило его между двухъ огней. Онъ увидѣлъ, что и кн. Голицынъ, и митр Амвросій, и Филаретъ, нашедши въ переводѣ „Эстетическихъ разсужденій“ нѣчто не дозволительное, рѣшились протестовать противъ допущенія этого перевода къ печати. Присоединиться къ ихъ мнѣнію, т. е. дать отзывъ о неблагонадежности перевода—значило бы набросить тѣнь на личность Теофилакта и унижить его профессорское достоинство, а этого Криницкій не хотѣлъ и не расположенъ былъ дѣлать;—съ другой стороны, дать отзывъ въ пользу перевода—значило бы вооружить противъ себя и кн. Голицына, и митр. Амвросія и Филарета, что, конечно, также не было желательно для Криницкаго. Отсюда Криницкій медлил исполненіемъ порученія, не давая въ теченіе двухъ лѣтъ никакого отзыва о переводѣ Ансильона. Теофилактъ, конечно, понялъ, что Криницкій медлил не по своему произволу; онъ видѣлъ, откуда идутъ препятствія. Но оставить въ силу какихъ-то препятствій безъ всякихъ результатовъ свой, раздѣленный со студентами, дорогой трудъ, предать забвенію первый научный плодъ новой Академіи—значило бы унижить свое профессорское достоинство, значило бы добровольно принять на себя обвиненіе въ неблагонадежности и либерализмѣ. Посему Теофилактъ рѣшился по крайней мѣрѣ съ честію выдти изъ своего затруднительнаго положенія. Онъ взялъ обратно у Криницкаго свой переводъ, чѣмъ и снялъ отвѣтственность предъ „Комиссіей“; вмѣстѣ съ тѣмъ, желая сохранить свое профессорское достоинство и увидѣвъ-таки свой переводъ въ

¹⁾ Ж. Д. К. У. 17 декабря, 1810 г. стр. 40; „Рук. дѣят. дух. просв.“, стр. 78.

печати, онъ передалъ его въ свѣтскую цензуру, которая, дѣйствительно, и разрѣшила ему печатаніе. Объ этомъ Оеофилактъ счелъ нужнымъ сообщить и „Комисіи“. Въ іюлѣ 1813 г. онъ внесъ въ „Комисію“ слѣдующее заявленіе. „Долгое время не видя никакого отзыва насчетъ перевода Ансильона, я словесно просилъ отца духовника (протопресвитера Криницкаго) отдать его мнѣ обратно, въ чемъ онъ меня и удовлетворилъ. Поелику же переведенная книга, по содержанію своему, не подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры для изданія оной въ свѣтъ, да и предлагаема была мною не для того, чтобы получить дозволеніе напечатать ее, но чтобы ввести ее въ высшія духовныя училища въ родѣ книги вспомогательной: то я подвергъ переводъ Ансильона разсмотрѣнію гражданской цензуры, съ дозволенія коей нынѣ уже напечатается“¹⁾. Такое заявленіе, повидимому, вызвало за собою благоприятныя для Оеофилакta послѣдствія: Криницкій, доселѣ молчавшій, послѣ означеннаго заявленія Оеофилакta, словесно началъ располагать „Комисію“ къ измѣненію взгляда на переводъ и къ дозволенію изданія послѣдняго. Казалось, такимъ образомъ, что Оеофилактъ долженъ былъ избѣжать угрожавшей ему непріятности и съ честью выдти изъ своего затруднительнаго положенія. Но на дѣлѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго хода обстоятельствъ, вышло совсѣмъ плохо для него.

Напечатаніе перевода съ разрѣшенія свѣтской цензуры не только не спасло Оеофилакta отъ униженія его профессорскаго достоинства, но явилось даже роковою причиною его паденія. „Разыгралось, говоритъ проф. Чистовичъ, страшное дѣло, вызванное затаенною мстію Оеофилакту и унижившее его безпощадно до крайней степени. Ректоръ Академіи, архм. Филаретъ, основавшись на томъ, что

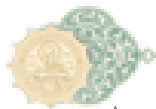
¹⁾ „Рус. дѣят. дух. просв.“, стр. 78.

на заглавномъ листѣ книги она названа переводомъ студентовъ С.-Петербургской духов. Академіи¹⁾, написалъ на нее пространныя замѣчанія и, не выступая своимъ лицомъ, просилъ митр. Амвросія дать ходъ этому дѣлу отъ своего имени и лица. Когда все было подготовлено, митр. Амвросій 24 сентября 1813 г. далъ предложеніе Академическому Правленію, которымъ поручалъ: ректору представить свои замѣчанія на эту книгу съ мнѣніемъ, слѣдуетъ ли ее употребить на лекціяхъ, отъ Леонида (Зарѣцкаго) взять показаніе, съ чьего дозволенія и почему онъ приступилъ къ такому употребленію ея на лекціяхъ; отъ студентовъ (Павскаго, Кутневича, Малова и др.) отобрать объясненіе—по собственному или по постороннему какому-либо убѣжденію они упражнялись въ переводѣ этой книги; между тѣмъ отобрать ее у студентовъ и употребленіе въ классѣ воспретить“²⁾).

Уже такой совѣтъ лишній, формально-канцелярскій способъ разбора дѣла свидѣтельствовалъ о томъ, что къ Оеофилакту несправедливо придирались: маловажное дѣло старались, такъ сказать, раздуть чуть ли не до преступленія. Но съ особенною ясностію о томъ же свидѣтельствовало заявленіе Филарета о невозможности допущенія перевода „Эстетическихъ разсужденій“ къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособия для студентовъ Академіи, представленное Филаретомъ въ „Комиссію“ 4-го октября 1813 г. вмѣстѣ съ его критическими замѣчаніями на данный переводъ. Возьмемъ для примѣра тѣ два главныхъ положенія, которыя Филаретъ приводилъ противъ допущенія перевода

¹⁾ Полное заглавіе книги: „Эстетическія разсужденія г. Ансильона, члена Королевской Академіи наукъ въ Пруссіи. Переведена съ французскаго языка гг. студентами С.-Петерб. дух. Акад. въ пользу любителей прекраснаго и высокаго, подъ руководствомъ Синодальнаго члена преевс. Оеофалакта, архіеп. Разанскаго“. СПб. Въ типографіи Іоаннесова, 1813 г. Цензоръ И. Тимков.

²⁾ „Руков. дѣят. дух. просв., стр. 78—79.

Ансильона въ число учебныхъ пособій для студентовъ Академіи. Во-первыхъ, Филаретъ ссылался на то, что „Эстетическія разсужденія“ не показаны въ списокъ пособій по классу словесныхъ наукъ ¹⁾. Противъ этого положенія Филарета мы скажемъ, во-первыхъ, что переводъ „Эстетическихъ разсужденій“ и не могъ быть указанъ въ списокъ пособій по классу словесныхъ наукъ, такъ какъ онъ изданъ былъ уже послѣ того, какъ программа по указанному классу наукъ была составлена; во-вторыхъ, Филаретъ не обратилъ вниманія на то, что по проекту дух. академій „теорію эстетики должно почерпнуть изъ самыхъ лучшихъ ея источниковъ, а потому профессоръ сего класса долженъ показать студентамъ мнѣнія объ изящномъ первыхъ геніевъ въ семъ родѣ. Показаніе ихъ теорій должно быть почерпнуто изъ самыхъ источниковъ посредствомъ правильныхъ извлеченій, кои профессоръ долженъ раздѣлять съ студентами, заставляя ихъ самихъ упражняться въ сихъ извлеченіяхъ и такимъ образомъ знакомить ихъ съ самыми коренными началами сей науки“ ²⁾. Въ качествѣ второго основанія противъ допущенія перевода Ансильона къ употребленію въ Академіи Филаретъ выставилъ то, что онъ (переводъ) яко бы зараженъ пантеизмомъ, натурализмомъ и либерализмомъ вообще ³⁾. Но такое обвиненіе, возводимое Филаретомъ на переводъ Ансильона, было очевидно натяжкою: припомнимъ здѣсь, какъ и Оеофилактъ открывалъ пантеизмъ въ проповѣдяхъ Филарета.

Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе замѣчаній Филарета на книгу Ансильона. Насколько они были придиричивы, это яснѣе всего показываетъ отзывъ духовника П. В. Кри-

¹⁾ Христ. Чтен. 1871 г. 2 ч., стр. 996; 2-ое примѣч.

²⁾ Проектъ уст. дух. академій „Исторія С.-Петербург. духов. Акад.“ Число-вида, стр. 201.

³⁾ Христ. Чт. 1871 г. 2 ч., стр. 996; 2-ое прим.

ническаго и оберъ-священника И. С. Державина. Дѣло въ томъ, что когда м. Амвросій и кн. Голицынъ признали замѣчанія Филарета справедливыми и въ засѣданіи „Комиссіи“ отъ 11 октября (1813 г.), устранивъ Теофилакта отъ совѣщаній по этому предмету, опредѣлили считать дѣйствія преосвященнаго „несообразными“, то съ ихъ опредѣленіемъ не согласились два другихъ упомянутыхъ члена, подавшіе отъ себя особыя мнѣнія ¹⁾. Такъ, Криницкій писалъ: „критика должна быть проста и ясна: сего я въ замѣчаніяхъ ректора академіи архим. Филарета не нахожу; а напротивъ того, замѣчанія наполнены то вопросами, сомнѣнію подлежащими, то замѣчаніями софистическими, да и написаны въ противность § 5 проекта уст. дух. академій; о томъ, писать ли замѣчанія, или нѣтъ въ Комиссіи и разсуждаемо не было, и что еще дерзновеннѣе—помянутыя замѣчанія безъ разрѣшенія Комиссіи дух. учил. уже и напечатаны ²⁾ и даже продаются. Кто бы подумалъ, что учитель истинной богословіи позабылъ сіи святыя нашея вѣры предписанія: всякая душа властемъ предержащимъ да повируется. Сколько такой примѣръ дурпой, вредный и, что всего болѣе, опасный“! Державинъ, между тѣмъ, заявилъ, что „дать неоспоримую достовѣрность замѣчаніямъ о. ректора Академіи Филарета и основать заключеніе свое по единственному содержанію оныхъ, что книга сія заключаетъ въ себѣ пантеизмъ или натурализмъ, не отобравъ отъ издателя сея книги преосв. архіепа. Теофилакта о точности разума выставленныхъ сомнительныхъ пунктовъ объясненія или опроверженія на сдѣланныя о. ректоромъ замѣчанія и безъ существеннѣйшаго, чрезъ сложеніе того и другого, изысканія истины, справедливымъ и съ законами согласнымъ онъ не находитъ“. „Я не могу не присовокупить—писалъ онъ въ заключеніе своего мнѣнія,—что

¹⁾ „Руков. дѣят. дух. просьв., стр. 79—80.

²⁾ Замѣчанія напечатаны были въ количествѣ 600 экзempl., „Русск. Старица“, 1863 г., т. 38, стр. 47—49.

замѣчанія о. ректора академіи Филарета извлечены во многихъ мѣстахъ изъ однихъ словъ безъ соображенія съ связію полнаго смысла, и вообще слабы и неудовлетворительны¹⁾.

Сопоставляя такую малоосновательность критики Филарета на переводъ Ансильона съ его общепризнаннымъ гениальнымъ умомъ и высоконравственнымъ характеромъ, мы должны признать, что этотъ знаменитый святитель дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ противъ Феофилакта не по своей волѣ; онъ могъ такъ поступать только подъ давленіемъ какого-нибудь сильнаго и вліятельнаго для него лица. Мы не ошибемся, кажется, если признаемъ, что такимъ лицомъ былъ именно князь Голицынъ. Только сильный по власти Голицынъ, намѣтившій Феофилакту окончательное паденіе, могъ повліять на Филарета такъ, что онъ рѣшился стать дѣятельнымъ орудіемъ въ исполненіи подобныхъ замысловъ противъ Феофилакта. Это видно уже изъ того вліятельнаго и рѣшающаго значенія, какое имѣлъ голосъ Голицына въ „Комиссіи“ при обсужденіи даннаго дѣла. Мы видѣли, что въ засѣданіи „Комиссій“ отъ 11-го окт. (1813 г.), при обсужденіи дѣла, о переводѣ произошло несогласіе во мнѣніяхъ членовъ: Криницкій и Державинъ были за Феофилакта, а м. Амвросій и Голицынъ противъ. При такомъ равенствѣ голосовъ, повидимому, еще могъ бы быть благопріятный для преосвященнаго исходъ дѣла. Повидимому, Криницкій и Державинъ могли свободно отстаивать свои мнѣнія. Но на дѣлѣ вышло иначе, и именно потому, что противъ Феофилакта былъ враждебно настроенъ могущественный Голицынъ. Криницкій и Державинъ, зная о могуществѣ оберъ-прокурора, не могли съ успѣхомъ ему сопротивляться. Они, напр., настаивали на томъ, чтобы приняты были въ уваженіе представленныя преосвященнымъ „опроверженія“ на критику Филарета, но безъ успѣха: Голицынъ постарался

¹⁾ „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 80.

испросить Высочайшее повелѣніе, чтобы не допускать къ напечатанію и обсужденію „опроверженія“ обвиняемаго ¹⁾). Мало того, въ довершеніе всего онъ испросилъ Высочайшій указъ, повелѣвавшій Теофилакту отправиться въ свою епархію впредь до особаго распоряженія. Высочайшій указъ подписанъ государемъ 11-го ноября; 2-го декабря оберъ-прокуроръ доносилъ объ этомъ Синоду, а въ половинѣ того же мѣсяца униженный знаменитый іерархъ отправился въ свою епархію ²⁾). Такъ печально и даже безславно закончилась блестящая некогда петербургская дѣятельность Теофилакта.

Вотъ какъ, говоритъ о Голицынѣ, главномъ виновникѣ паденія Теофилакта, его современникъ Вигель ³⁾). „Страшно было видѣть смирнаго человѣка, сдѣлавшагося жестокимъ гонителемъ за вопросы, которыхъ онъ не умѣлъ ни объяснять, ни даже понимать. А между тѣмъ знаменитѣйшія жертвы падали подъ ударами его. Амвросій, продолжаетъ Вигель, болѣе 20-ти лѣтъ митр. С.-Петербургскій и первенствующій членъ Синода, умѣлъ соединять уступчивость придворнаго человѣка съ достоинствами верховнаго пастыря церкви. Терпѣніе его истощилось, когда онъ увидѣлъ неисчислимыя рапы, наносимыя господствующей вѣрѣ, и онъ началъ слегка противодействовать совращеніямъ. Маститая старость его послужила Голицыну предлогомъ къ его удаленію. Для него отдѣлена Новгородская епархія, онъ сосланъ туда и, удрученный лѣтами, вскорѣ угасъ тамъ въ горести. На его мѣсто призванъ былъ архіеп. черниг. Михаилъ, извѣстный своею кротостію.“ Въ числѣ другихъ жертвъ гоненія Голицына, Вигель ясно разумѣлъ и Теофилакта. Изъ историковъ, Богдановичъ ⁴⁾, М. Я. Морошкинъ ⁵⁾ также

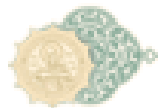
¹⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 80.

²⁾ Дѣло Арх. Св. Синода 1813 г. № 760; ст. *ibid.*, стр. 81.

³⁾ Его записки: ч. VI, глава 3, стр. 36. Изд. Рус. Архива.

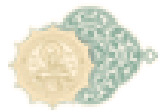
⁴⁾ „Ист. царствованія Импер. Александра I-го“. Богдановичъ, т. 6, стр. 89—390, 1871 г.

⁵⁾ „Иезуиты въ Россіи“, Морошкинъ, ч. 2, стр. 30.

характеризуютъ Голицына, какъ человѣка, при добротѣ своей обнаруживавшаго крайнюю нетерпимость къ людямъ, не раздѣлявшимъ его мнѣнй.

Впрочемъ, мы не претендуемъ на истинную разгадку причинъ враждебнаго нерасположенія Голицына къ Теофилакту. Для насъ достаточно было показать, что, благодаря именно Голицыну, Теофилактъ долженъ былъ сойти съ поприща столичной общецерковной дѣятельности въ сферу провинціальную, болѣе или менѣе удаленную отъ центра политической и церковной русской жизни. Такою сферою для него была сначала Рязань, а затѣмъ Грузія.

Четвертый (последний) периодъ жизни и дѣятельности Теофилакта Русанова (съ конца 1813 до 1821 г. г.).

Дѣятельность Теофилакта въ Рязани послѣ опалы (т. е. съ конца 1813 г.) въ связи съ дѣятельностію его здѣсь до опалы. Забота его о семинаріи. Отношеніе его къ рязанской паствѣ вообще. Назначеніе его экзархомъ въ Грузію. Заботы Теофилакта объ образованіи грузинскаго духовенства. Устроеніе имъ церковнаго управленія въ Грузіи. Миссіонерская дѣятельность Теофилакта. Его душевное настроеніе и самочувствіе во все время пребыванія его въ Грузіи до самой смерти. Обстоятельства, при которыхъ произошла его кончина.

Рязанская епархія считаетъ себя счастливою, созерцая въ спискѣ своихъ архипастырей имя преосв. Теофилакта Русанова. Она и до сихъ поръ сохраняетъ живую память объ этомъ просвѣщенномъ и дѣятельномъ своемъ архипастырѣ. И дѣйствительно, Теофилактъ вполнѣ заслуживаетъ такой памяти со стороны Рязанской епархіи: его просвѣщенная и плодотворная дѣятельность составила, можно сказать, цѣлую эпоху въ жизни этой епархіи.

Теофилактъ еще съ марта мѣсяца 1807 г. занималъ эту кафедру, хотя, какъ членъ Св. Синода, Комиссіи дух. училищъ и вмѣстѣ профессоръ Академіи, жилъ преимущественно въ Петербургѣ. Послѣ своей опалы (именно съ конца 1813 г.) онъ только съ большимъ усердіемъ продолжалъ въ Рязани то, что уже начато было имъ въ ней прежде, до опалы. Просвѣщенная дѣятельность его въ Рязанской епархіи главнымъ образомъ направлялась къ поднятію

умственного и нравственного уровня тамошняго духовенства. Оеофилактъ желалъ сдѣлать рязанское духовенство по крайней мѣрѣ неотсталымъ сословіемъ. Отсюда предметъ особенныхъ его заботъ въ Рязани такъ же, какъ и въ Калугѣ, была семинарія. Онъ сразу по своему назначеніи на Рязанскую кафедру, еще живя въ Петербургѣ, обратилъ свой участливый взоръ на незавидное положеніе здѣшней семинаріи и энергично принялся за ея улучшеніе. До него семинарія не имѣла даже порядочнаго помѣщенія. Зданіе ея, по словамъ Р—ова, состояло изъ нѣсколькихъ отдѣльных избъ и представляло изъ себя нѣчто въ родѣ деревни. Воспитанники жили въ грязныхъ и душныхъ конурахъ, гдѣ на ряду съ классною мебелью помѣщались рукомойники и лоджани¹⁾. Отсюда Оеофилактъ счелъ первымъ долгомъ своимъ позаботиться о построеніи для помѣщенія семинаріи, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ ветхихъ избъ, одного обширнаго каменнаго корпуса²⁾. Попытки устроить новое помѣщеніе для семинаріи Рязанской были и до Оеофилакга, но онѣ не имѣли успѣха. Такъ, еще преосв. рязанскій Симонъ въ 1784 г. ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о построеніи каменной семинаріи, но ходатайство его было оставлено безъ удовлетворенія: синодскимъ указомъ (отъ 28 марта 1784 г.) предписано было „семинарію оставить нынѣшнюю безъ поврежденія до построенія новой на другомъ мѣстѣ“³⁾.

Благодаря своей энергіи и администраторскому таланту, онъ скоро достигъ того, въ чемъ не успѣлъ его предшественникъ. Прежде всего, онъ съумѣлъ исходатайствовать чрезъ князя Голицына у императора Александра 1-го разрѣшеніе на уступку въ пользу рязанской семинаріи навсегда

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1873 г. кн. 11, стр. 147—148.

²⁾ „Истор. Рязанской дух. семинаріи“ (1721—1840 г.) Дмитрія Агицева: стр. 180—161, стр. 55. Рязань. 1887 г.

³⁾ Ibid, стр. 54.

мѣста, которое она занимала съ 1753 г. Затѣмъ, онъ позаботился о планѣ для новаго корпуса, выхлопоталъ чрезъ „Комиссію дух. училищ.“ на постройку 80,000 руб., предполагая недостающую сумму восполнить остатками отъ семинарской экономіи и заимствованіемъ 20,000 руб. у Николо-радовицкаго монастыря. Наконецъ, въ видахъ успѣшнаго пачатія постройки онъ испросилъ въ 1811 г. Высочайшее разрѣшеніе отправиться на три мѣсяца въ Рязань ¹⁾. По пріѣздѣ своемъ въ Рязань (это былъ, кажется, первый пріѣздъ), Оеофилактъ немедленно составилъ „строевую комиссію“ и заключилъ съ подрядчикомъ контрактъ, такъ что 22-го мая 1812 г. началась кипучая дѣятельность по постройкѣ. Въ теченіе всего времени постройки онъ обнаруживалъ самое живѣйшее участіе и энергію. Онъ требовалъ, чтобъ строевая комиссія ничего не дѣлала безъ его разрѣшенія; предписалъ доносить ему о постройкѣ чаще и непремѣнно за подписью всѣхъ членовъ; требовалъ аккуратности и строгой отчетливости въ расходахъ; указывалъ средства къ тому, чтобы поскорѣе окончить постройку въ виду близкой реформы семинаріи и т. п. Благодаря такой энергичной заботливости Оеофилакта, работа шла такъ успѣшно, что въ концѣ іюля можно было приступить къ покрытію корпуса, и только неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства, вызванныя военными дѣйствіями 1812 г., задержали успѣхъ постройки. Послѣ опалы, живя въ Рязани уже постоянно, Оеофилактъ съ гораздо большимъ вниманіемъ могъ относиться къ дѣлу устроенія семинаріи. Въ 1814 г. онъ исходатайствовалъ чрезъ „Комиссію духов. училищъ“ еще 51,710 руб. и обязалъ подрядчика Оирсова отдѣлать нижній этажъ къ концу августа 1814 г., а всѣ прочія работы непременно окончить къ 1-му сентября ²⁾.

¹⁾ Цитов соч. Агицева, стр. 161.

²⁾ Цитов. соч. Агицева, стр. 163.

Преобразовывая семинарію съ виѣлпней стороны, Теофилактъ обращалъ вниманіе и на внутреннюю сторону ея жизни, именно на ея умственное, воспитательное и экономическое состояніе. Умственное состояніе, въ которомъ Оеофилактъ нашелъ рязанскую семинарію, было очень низко и непривлекательно: оно представляло смѣсь схоластики и суевѣрія. Въ Рязани, по словамъ г. Р—вова, до послѣдняго времени сохранился характеристическій разсказъ объ одномъ изъ тогдашнихъ преподавателей—Ириней, какъ о волшебникѣ. Вотъ какъ передаетъ этотъ разсказъ Ростиславовъ: „Однажды, во время прогулки Ириней съ учениками за рѣчкою Трубежомъ, зашла рѣчь о драконахъ со многими головами и многими парами крыльевъ. Нѣкоторые изъ либераловъ начали говорить, что драконовъ никогда и не существовало. Въ это время вся компанія подошла къ песчаному берегу Трубежа. Ириней концомъ своей трости нарисовалъ на пескѣ дракона съ нѣсколькими головами и прочими его принадлежностями, потомъ наполнилъ свой ротъ водою, вспрыснулъ начерченную фигуру, которая тотчасъ же оживилась, и ужасный драконъ со всѣми своими головами и крыльями явился предъ испуганными учениками. Старецъ, обратившись къ либераламъ, сказалъ: „ну, вотъ вы говорили, что драконовъ никогда не было; видите, что они и теперь есть“. Такъ какъ чудовище начало обнаруживать непріязненные намѣренія, то Ириней еще вспрыснулъ его водою, и драконъ исчезъ“¹⁾. Поводомъ къ подобнымъ нелѣпымъ легендамъ объ Ириней послужило его пристрастіе къ естественнымъ наукамъ. Отсюда уже можно составить понятіе объ общемъ умственномъ уровнѣ рязанскихъ семинаристовъ и ихъ преподавателей. Естественно, Теофилaktu предстояло употребить немало стараній, чтобы сколько возможно выше поднять умственный уровень семинаріи. Въ

¹⁾ „Вѣстн. Евр.“ 1873 г. кн. 11., ст. 249.

этомъ отношеніи Оеофилактъ слѣдовалъ стопамъ одного изъ ближайшихъ своихъ предшественниковъ по рязанской кафедрѣ—преосв. Симону. Оеофилактъ, еще до преобразованія рязанской семинаріи въ 1814—15 гг. заботился, напр., объ обязательномъ изученіи богословами и философами новыхъ языковъ и о лучшей постановкѣ всѣхъ общеобразовательныхъ предметовъ¹⁾, хотя по результатамъ этихъ заботъ Оеофилактъ далеко оставлялъ за собою преосв. Симона. Только при Оеофилактѣ успѣшно начали преподавать въ данной семинаріи, напр., географію и исторію. При преосв. Симонѣ эти предметы „сколько возможно въ краткости“ преподавались ученикамъ высшаго класса. Руководствами по нимъ были съ 1785 г. учебники, изданные для народныхъ училищъ. Но Оеофилактъ сразу подвинулъ впередъ преподаваніе этихъ предметовъ. Въ 1811 г. онъ прислалъ учителямъ исторіи и географіи двѣ инструкціи и назначилъ руководствомъ по исторіи—Шрекка. Послѣ этого успѣхи учениковъ по географіи и особенно по исторіи были сравнительно съ прежними гораздо лучше²⁾. Философія до Оеофилакta изучалась въ Рязанской семинаріи по старинному учебнику Баумейстера, при немъ же она начала изучаться по болѣе новымъ сочиненіямъ—Jacobi Bruckeri и Laertii. При немъ же начались преподаваться успѣшнѣе прежняго древніе языки³⁾. Еще больше Оеофилактъ обращалъ вниманія на учебную часть Рязанской семинаріи послѣ своей опалы. Въ 1814—15 г.г. онъ принималъ живѣйшее участіе въ реформѣ учебной части семинаріи, начавшейся въ силу предписанія „Комиссіи дух. училищъ“ отъ 19 августа 1814 г.⁴⁾ 16-го сентября 1814 г. правленіе докладывало преосв. Оео-

¹⁾ Цитов. соч. Азяцева, стр. 120--121.

²⁾ Ibid., стр. 129

³⁾ Цит. соч. Азяцева, стр. 116—118.

⁴⁾ Цит. соч. Азяцева, стр. 163.

филакту, что „для преобразованія семинаріи по новому плану необходимо произвести экзаменъ всѣмъ ученикамъ семинаріи отъ философскаго до синтаксическаго класса и сдѣлать разборъ между ними по разрядамъ“. Оеофилактъ утвердилъ докладъ и, между прочимъ, самъ экзаменовалъ желавшихъ поступить въ риторику. „По разборѣ учениковъ“, въ присутствіи самого преосвященнаго, 1-го октября 1814 г. былъ совершенъ молебенъ, и затѣмъ началось ученіе въ преобразованной семинаріи ¹⁾).

Не ускользала отъ внимательнаго взора Оеофилакта также и нравственно-воспитательная сторона учебнаго дѣла въ Рязанской семинаріи. Оеофилактъ засталъ далеко не высокій уровень нравственности рязанскихъ семинаристовъ: послѣдніе проявляли, напр., сильную наклонность къ употребленію спиртныхъ напитковъ, устраивали часто грубые дебоши, участвовали въ кулачныхъ бояхъ, которые тогда были въ обычаѣ, выманивали, похищали вещи, деньги другъ у друга и у постороннихъ лицъ и т. п. ²⁾). Равно и сами воспитатели—начальствующие и учащіе—не стояли на высотѣ своего призванія. Отношенія ихъ къ ученикамъ нерѣдко были суровыя и даже жестокія. Наказанія семинаристовъ за пороки и проступки носили почти исключительно характеръ карательный, а не исправительный. Вотъ, напр., какія суровыя наказанія упоминаются въ официальныхъ документахъ Рязанской семинаріи до временъ Оеофилакта: заключеніе въ уединенное мѣсто, иногда съ запираніемъ на цѣпи, стѣженіе ложами и даже нещадное наказаніе плетью подъ звонкомъ при собраніи всѣхъ учениковъ въ страхъ другимъ, отправленіе въ желѣзахъ подъ конвоемъ на черныя семинарскія болѣе тяжелыя работы, исключеніе изъ семинаріи „дѣтинъ непобѣдимой злобы“, даже публичное из

¹⁾ Цит. соч. Агнцева, стр. 166.

²⁾ Цит. соч. Агнцева, стр. 138—146.

гнаніе и, наконецъ, исключеніе изъ духовнаго сословія и отдача въ свѣтскую команду ¹⁾). Не удивительно, что, при такой суровой дисциплинѣ, рязанскіе семинаристы часто дѣлали побѣги домой. Трудно и невыносимо было иному постѣ домашней свободной жизни попасть въ такую невеселую обстановку подъ надзоръ суроваго начальства... И вотъ, несмотря на всѣ ужасы впереди, бѣдственное школьническое положеніе вынуждало семинаристовъ забывать эти ужасы и предпринимать для освобожденія себя весьма рискованныя средства. Такая постановка нравственно-воспитательной части въ Рязанской семинаріи не могла быть, конечно, по душѣ гуманному, образованному, преосвящ. Оеофилакту. Зная, отчасти изъ собственнаго опыта, отчасти изъ наблюденій надъ семинарской жизнью, какое важное значеніе для развитія въ ученикахъ добропорядочности имѣетъ благородное чувство сознанія собственнаго достоинства, Оеофилактъ самъ старался и начальству внушалъ воспитывать въ ученикахъ это благородное чувство. И нужно сказать, владыка успѣлъ сдѣлать въ этомъ отношеніи весьма много. Ученики высшихъ классовъ довольно ясно стали сознать свое достоинство, какъ воспитанниковъ средняго учебнаго заведенія и притомъ людей взрослыхъ. Они очень стали дорожить мнѣніемъ о нихъ города, а потому оскорблялись порученіями, унижающими ихъ достоинство. Напр., самъ, любимый и уважаемый воспитанниками до высшей степени, Оеофилактъ однажды (въ 1816 г.) распорядился, чтобы семинаристы перенесли отъ столѣра шкафы въ семинарскую библіотеку. Они отказались, считая это порученіе унижительнымъ для себя, — и только тогда согласились исполнить волю владыки, когда онъ лично явился сдѣлать имъ внушеніе за ослушаніе, и когда они увидѣли, насколько разгнѣвало его ихъ непо-

¹⁾ Ibid., стр. 146—147.

виновеніе ¹⁾). Воспитывая подобныя благородныя чувства въ ученикахъ, Оеофилактъ старался внушать благородство и самому начальству. Онъ убѣждалъ начальство относиться къ семинаристамъ по мѣрѣ возможности гуманно, и самъ старался собственнымъ примѣромъ показать, насколько важно такое отношеніе въ дѣлѣ воспитанія. Будучи совершенно простъ въ обращеніи со всѣми, Оеофилактъ охотно сблизился съ учащими и учащимися. Гуманно относясь къ первымъ, онъ былъ особенно пріятелѣнъ и благоснисходителенъ къ послѣднимъ, чѣмъ и пріобрѣлъ ихъ расположеніе и довѣріе. Ему извѣстны были подробности жизни какъ учениковъ, такъ и учителей; учениковъ почти всѣхъ онъ зналъ по именамъ и фамиліямъ, такъ какъ онъ часто посѣщалъ жилища и классныя комнаты воспитанниковъ, бесѣдовалъ съ ними и руководилъ въ занятіяхъ. Особенно Оеофилактъ любилъ нечаянно являться въ семинарію, чтобы застать учениковъ не приготовленными къ его встрѣчѣ; но тутъ часто измѣнялъ ему находившійся на его кlobукѣ брилліантовый крестъ, по блеску котораго ученики иногда издали усматривали идущаго къ нимъ владыку. Нерѣдко владыка самъ наблюдалъ за играми и развлеченіями учениковъ на семинарскомъ дворѣ и въ комнатахъ. По разсказу Ростиславова, Оеофилактъ особенно любилъ музыку и пѣніе; онъ часто приходилъ въ комнаты семинаристовъ для того, чтобы принять участіе въ ихъ музыкальныхъ развлеченіяхъ, и былъ настолько простъ, что заставлялъ ихъ играть и пѣть народныя пѣсни. „Однажды“, разсказываетъ Ростиславова, „онъ засталъ учениковъ послѣ ужина безъ дѣла, повидимому, унылыми, по крайней мѣрѣ не очень веселыми. „Что это у васъ“, спросилъ онъ, „такъ мертво, не весело? Отчего нѣтъ никакихъ инструментовъ? Вотъ бы теперь поиграли на нихъ и поразвеселѣли“. — „Да намъ запрещаетъ играть

¹⁾ Вѣсти. Европы, 1873 г., кн. 11, стр. 253.

на инструментахъ отецъ ректоръ“,—отвѣчали ему. Разумѣется, на слѣдующій день послѣдовало разрѣшеніе. Черезъ нѣсколько времени владыка, вновь пришедши въ семинарію, увидалъ на одномъ столѣ гусли. „Вотъ это хорошо, сказалъ онъ: ну, кто умѣетъ играть на нихъ, пусть поиграетъ“.—„Да у насъ есть еще, ваше высокопреосвященство, и другіе инструменты“,—сказали ученики. „Ну, такъ подавайте все и поиграйте“, отвѣчалъ владыка. Тотчасъ же явились скрипка, флейта и пр. Начался концертъ. Семинаристы было затянули монотонныя церковныя мелодіи, но преосвященный, прослушавъ одну или двѣ пьесы, сказалъ: „Ну, да это хорошо въ великій постъ, сыграйте-ка что-нибудь повеселѣе“. Тѣ догадались и заиграли русскія народныя пѣсни¹⁾. Фактъ этотъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, какія теплыя, искреннія отношенія были между преосвященнымъ и воспитанниками. Естественно, что при такомъ отношеніи самого архіерея къ семинаристамъ должны были существенно измѣниться къ лучшему и отношенія къ нимъ непосредственнаго начальства. Принципы суровой дисциплины были почти забыты. Отсюда и пороки учениковъ стали проявляться не въ такой грубой формѣ, какъ прежде, побѣги изъ семинаріи уменьшились значительно, особенно когда Теофилактъ жилъ уже въ Рязани постоянно²⁾.

Заслуживаетъ вниманія также заботливость Теофилакта о внѣшнемъ, матеріальномъ положеніи рязанскихъ семинаристовъ. Теофилактъ понималъ, что духовная дѣятельность человека можетъ быть тогда только здоровою и усугубленною, когда орудіе ея, тѣло, живетъ въ благопріятныхъ условіяхъ. Отсюда, и въ отношеніи къ семинаристамъ, онъ считалъ нужнымъ заботиться объ удовлетвореніи не только духовныхъ ихъ потребностей, но и тѣлесныхъ.

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1873 г., 11 кн., стр. 250—252.

²⁾ Цят. соч. Агидева, стр. 145.

Онъ обращалъ вниманіе на пищу, одежду воспитанниковъ. Пища при немъ была хотя простая, но довольно разнообразная и готовилась въ достаточномъ количествѣ ¹⁾. Особенную же участливость онъ проявлялъ въ отношеніи къ сиротамъ. Последнихъ онъ всегда старался, сколько возможно больше, принять на казенное содержаніе ²⁾. Являясь такимъ эвергичнымъ, гуманнымъ и просвѣщеннымъ епархіальнымъ начальникомъ въ отношеніи къ семинаріи, Оеофилактъ былъ такимъ и для своей всей вообще рязанской паствы. Постъ своей опалы онъ особенно сблизился съ своею паствою: и съ духовенствомъ, и съ великосвѣтскимъ обществомъ, и съ простымъ народомъ. Изъ духовенства особенно пользовались благосклонностію Оеофилакта умные и образованные; такихъ онъ часто приглашалъ къ себѣ, бесѣдовалъ съ ними, а главное, всегда ихъ назначалъ на болѣе важныя епархіальныя должности. Впрочемъ, его привѣтливое, нисколько не гордое обращеніе, быстрое и умное рѣшеніе дѣлъ, привлекали къ нему всѣхъ безъ исключенія ³⁾. Оеофилактъ любилъ бывать въ рязанскомъ обществѣ; особенно онъ радъ былъ встрѣтиться съ человѣкомъ разговорчивымъ и добросердечнымъ. „Съ многоглаголивими и добросердечлими люблю я проводить время“, писалъ Оеофилактъ кн. Голицыну 27 марта 1813 г. ⁴⁾. У него самого всегда по праздникамъ бывали многіе рязанскіе горожане. Оживленная бесѣда, которую всегда съ тактомъ могъ поддерживать гостепріимный владыка, считалась лучшимъ времяпровожденіемъ для рязанскихъ горожанъ. „Какой бы вы были славный свѣтскій человѣкъ“,—говаривали ему шутя рязанскія свѣтскія дамы ⁵⁾.—

¹⁾ Цит. соч. Агнцова, стр. 336.

²⁾ Ibid., стр. 168.

³⁾ Вѣст. Евр. 1873 г., кн. 12, стр. 622, 605.

⁴⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 76.

⁵⁾ Въ дамскомъ обществѣ Оеофилактъ былъ особенно любезенъ, хотя безъ предосудительности. Самые злые его враги, старавшіеся очернить его и при

„Не думаю“,—отвѣчалъ обыкновенно Оеофилактъ, и при этомъ снимать клобукъ и показывать свою лысую голову. Будучи человекомъ прямымъ, онъ не любилъ лести, не скрывалъ своихъ недостатковъ и частенько острилъ надъ своею неблагообразною наружностью, говоря: *a rufo, calvo, bleso, Domine, miserere me*,—т. е. Господи, помилуй меня отъ рыжаго, плѣшиваго и раскосаго (онъ дѣйствительно имѣлъ эти три недостатка)¹⁾. Не мало способствовали расположенію рязанцевъ къ любимому архіерею также его проповѣди, которыя онъ особенно часто произносилъ послѣ своей опалы²⁾. Но недолго послѣ опалы пришлось Оеофилакту прожить съ своею любимою наставой: всего три года съ небольшимъ. Его великій умъ и администраторскія способности скоро оказались нужными для иной, болѣе широкой и видной епархіальной сферы, чѣмъ какою была Рязань. Определеніемъ Св. Синода отъ 26 февраля 1817 г. онъ былъ переведенъ въ Грузію экзархомъ, „яко извѣстный Синоду по своимъ способностямъ къ приведенію въ должный порядокъ относящагося вообще до управленія по духовной части сход-

жаши и послѣ смерти разнородными клеветами, не нападали на него съ этой стороны (Вѣстникъ Европы, 1873 г., 11 кн., страница 234).

¹⁾ Вѣстн. Европы. 1873 г., кн. 11, стр. 234.

²⁾ Ibid., кн. 12, стр. 622. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности отыскать рязанскія проповѣди Оеофилакта, за исключеніемъ одной, сказанной имъ на случай перваго его пребыванія въ Рязань въ 1811 г на текстъ: „и азъ пришедъ къ вамъ, братіе, не по превосходному словеси или премудрости, возбѣщая вамъ свидѣтельство Божіе“ (1 Кор. 2, 1). Кроме того, мы имѣемъ указаніе на содержаніе проповѣди, сказанной Оеофилактомъ въ Рязани 3-го мая 1811 г. „по полученія радостнѣйшихъ извѣстій о занятіи Парижа союзными войсками, о низложеніи Наполеона съ престола и обращеніи французскаго народа къ законному Государю“. Эту проповѣдь Оеофилактъ посылалъ, между прочимъ, кн. Голицыну, съ просьбой исходатайствовать у Св. Синода дозволеніе на изданіе ея въ свѣтъ. Но Св. Синодъ, найдя, что это слово якобы походитъ болѣе на собраніе нравственно-политическихъ мнѣній, а меньше на нравственно-духовное ученіе, не далъ разрѣшенія его напечатать и мало того—предписалъ чрезъ Голицына

ственно установленіямъ въ Россіи существующимъ“¹⁾. По-видимому, такое полное вниманія и довѣрія назначеніе было для Оеофилакта повышеніемъ или, по крайней мѣрѣ, выраженіемъ возвращающейся къ нему прежней милости и расположенія со стороны столичной сферы. Но на самомъ дѣлѣ для него оно было, кажется, новымъ жестокимъ ударомъ, нанесеннымъ, конечно, рукою того же Голицына. Оеофилакта назначили, не спросивъ его согласія. Живя въ Рязани, онъ все-таки не терялъ надежды вернуться когда-нибудь въ С.-Петербургъ, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ. И вотъ теперь разрушили и эту послѣднюю его надежду. Естественно, что съ болью сердечною онъ долженъ былъ смотрѣть на предстоящій ему путь. Состояніе его души особенно ясно обнаружилось при разставаніи его съ Рязанью. Будучи вообще человѣкомъ твердымъ и умѣющимъ скрывать свои чувства, онъ, когда прощался съ Рязанью, не выдержалъ и зарыдалъ; плакали и рязанцы, провожая его съ городской площади²⁾. Какъ смотрѣлъ самъ преосв. Оеофилактъ на новое свое назначеніе и вообще на свое положеніе въ послѣднее время,—это видно изъ словъ, сказанныхъ имъ астраханскому архіеп. Гаю, на пути въ Грузію. Поклонившись преосв. Гаю въ ноги, онъ произнесъ: „Ты мой отецъ и пророкъ судьбы моей! Отецъ потому, что постригалъ меня въ монашество; пророкъ потому, что предсказалъ мнѣ санъ святительскій и настоящее искушеніе“³⁾. Впрочемъ, если лично для Оеофилакта назначеніе его экзархомъ Грузіи не

Оеофилакту, чтобы „онъ, преосвященный, въ поученіяхъ своихъ слѣдовалъ пастырскому своему долгу, наполняя оныя истинами, словомъ Божиимъ утвержденными, сообразно правиламъ, въ духовномъ регламентѣ о проповѣдничествѣ напечатаннымъ“ (см. „Рук. дѣят. дух. просв.“, стр. 81—83).

¹⁾ Дѣло Архива Грузино-Имеретин. конторы за № 334. 1817 г.

²⁾ Зап. Д. И. Ростиславова. „Русск. Старина“, 1895 г., мартъ, ст. 109.

³⁾ Бантышъ-Каменскаго, „Словарь дост. л. рус. земли“. Спб. 1847 г., ст. 323.

было желательнымъ и радостнымъ событіемъ, то для русской церкви оно было какъ разъ кстати.

Русская церковь въ то время была очень озабочена устроениемъ вошедшей только что въ составъ ея грузинской церкви. Какъ извѣстно, въ 1801 г. Грузія окончательно подчинилась Русскому престолу¹⁾. Съ этимъ присоединениемъ и грузинская церковь естественно должна была подчиниться русскому Св. Синоду, сдѣлаться нераздѣльною вѣтвью русской церкви. Отсюда для Св. Синода являлась весьма важная забота—привить возможно скорѣе и удачнѣе новую вѣтвь къ древу русской церкви, чтобы дать ей возможность дѣйствительно жить съ нимъ общею и нераздѣльною жизнію. Конечно, при отдаленности грузинскаго края и его неустроенности во всѣхъ отношеніяхъ, Св. Синодъ могъ осуществить эту заботу только постепенно. Сначала нужно было измѣнить самый характеръ бывшаго дотолѣ управленія грузинской церкви. Во главѣ церковнаго управленія въ Грузіи стоялъ дотолѣ такъ называемый католикосъ. Во время присоединенія Грузіи къ Россіи, католикосомъ былъ Антоній II-ой, сынъ предпоследняго царя Карталиніи и Кахетіи Ираклія, числившійся членомъ Св. Синода²⁾. Конечно, съ подчинениемъ грузинской церкви вѣдомству русскаго Св. Синода, положеніе католикоса являлось неумѣстнымъ. Католикосъ, по своему вліятельному положенію въ Грузіи, могъ только препятствовать осуществленію заботъ Св. Синода; отсюда его нужно было совсѣмъ удалить. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано. Въ 1809 г. Антоній II-ой былъ острашенъ отъ управленія, вмѣсто сана католикоса учрежденъ былъ санъ экзарха Грузіи и Имеретіи, соединенный съ

¹⁾ См. манифесты о присоедин. Грузіи 18 января, 1801 г. и о внутреннемъ управленіи въ Грузіи 12 сентября, 1801 г.

²⁾ „Исторія Грузіи. іерархія“, изд. 1826. Москва, стр. 20.

званіемъ члена Св. Синода, каковой, въ силу Высочайше утвержденнаго доклада Св. Синода отъ 30-го іюня 1811 г., и получилъ засѣдавшій доселѣ въ Синодѣ грузинскій архіерей Варлаамъ, изъ рода князей Эристовыхъ ¹⁾. Для епархіальнаго управленія при немъ учреждена была дикастерія, преобразованная въ 1814 г. въ Грузино-Имеретинскую контору Св. Синода, съ правами Московской Синодальной конторы, подѣ председательствомъ экзарха ²⁾. Въмѣсто прежде бывшихъ въ Грузіи 13-ти епархій учреждены были двѣ: одна, подѣ названіемъ Мцхетской и Карталинской, была поручена въ управленіе именно экзарху Варлааму, съ присвоеніемъ ему сана митрополита; другая, подѣ названіемъ Алавердской и Кахетинской, была поручена въ управленіе Сигнахскому митрополиту Іоанну Бодбелю. Остальныя 11-ть грузинскихъ епархій вошли въ составъ указанныхъ двухъ ³⁾. На Варлаама были возложены Св. Синодомъ слѣдующія важныя порученія по устройенію духовной части въ Грузіи: 1) учредить духовныя правленія въ городахъ Грузіи; 2) устроить въ Тифлисѣ семинарію и училища; 3) привести въ ясность и порядокъ церковныя доходы и 4) возстановить Осетинскую Комиссію, учрежденную въ 1771 г. для обращенія осетинъ въ христіанскую вѣру и прекратившую свои дѣйствія въ 1792 г. ⁴⁾. Но Варлаамъ выполнилъ, да и то не вполне, только третье изъ данныхъ ему порученій. Онъ именно обращалъ всѣ свои заботы на одну хозяйственную часть церковнаго управленія: отбиралъ, напр., отъ дворянъ незаконно ими захваченныя въ свое владѣніе церковныя имѣнія, разводилъ для умноженія церковныхъ доходовъ сады, устраивалъ мельницы и т. п. ⁵⁾. Что же касается до осталь-

¹⁾ „Истор. груз. іерарх.“, стр. 20.

²⁾ Ibid., стр. 21.

³⁾ „Истор. груз. іерарх.“, стр. 24.

⁴⁾ „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 89, 92, 94; „исторія груз. іерарх.“, стр. 65, 78.

⁵⁾ „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 93.

ныхъ важныхъ перученій Св. Синода, то Варлаамъ не былъ даже въ силахъ ихъ выполнить. Такая малодѣтельность Варлаама сильно озабочивала Св. Синодъ. Но, не отстраняя пока Варлаама отъ церковнаго управленія, Св. Синодъ думалъ было улучшить устройство духовныхъ дѣлъ въ Грузіи чрезъ посредство дѣятельнаго Горійскаго епископа Досіея, проживавшаго въ то время въ Петербургѣ. Съ этою-то цѣлію Св. Синодъ и послалъ въ 1814 г. Досіея въ Грузію, возведши его въ санъ архіепископа, съ наименованіемъ Телавскимъ и Грузино-Кавказскимъ и съ порученіемъ ему завѣдыванія дѣлами бывшей Осетинской комиссіи. Но непригодность также и Досіея для осуществленія заботъ Св. Синода по устроенію грузинской церкви скоро сказалась. Правда, Досіея сразу возстановилъ Осетинскую комиссію и энергично началъ миссіонерскую дѣятельность въ горахъ кавказскихъ. За то своими первыми же миссіонерскими дѣйствіями онъ возбудилъ противъ себя и мѣстную гражданскую власть и туземныхъ жителей. Главнокомандующій Грузіи генералъ-лейтенантъ А. П. Ермоловъ рапортомъ отъ 15-го ноября 1816 г. доносилъ Государю, что Досіея для обращенія осетинъ въ христіанство употребляютъ далеко не духовныя мѣры, а именно—обѣщаютъ осетинамъ свободу, что они никому ни принадлежать, ни платить податей не будутъ, прельщаютъ ихъ къ принятію крещенія деньгами, подарками и т. п. Затѣмъ, по тому же донесенію Ермолова, Досіея безъ всякой существенной необходимости, ради своихъ личныхъ корыстныхъ расчетовъ, отобралъ въ пользу церкви имѣнія вліятельныхъ князей Эристовыхъ и Мачабеловыхъ, чѣмъ и вызвалъ законныя со стороны тѣхъ князей жалобы¹⁾. Такое поведеніе Досіея окончательно убѣдило Св. Синодъ въ томъ, что церковь грузинская не можетъ быть устроена

¹⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 98—99.

должнымъ образомъ своими туземными пастырями и что для этой цѣли нужно послать туда кого-либо изъ російскихъ архіереевъ. Поэтому онъ постановилъ: экзарха митр. Варлаама, уволивъ отъ всѣхъ должностей въ Грузіи, вызвать въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ, архіеп. Досіея вызвать для пребыванія въ Москву, а въ Грузію перевести синодальнаго члена Оеофилакта, архіеп. рязанскаго, съ предоставленіемъ ему титула экзарха Св. Синода и митрополита мхетскаго, тифлискаго и карталинскаго. Это постановленіе Синода состоялось 26-го февраля 1817 г. Государемъ оно было утверждено 14-го мая съ тою отмѣною, что преосвященный переведенъ съ званіемъ экзарха, безъ присвоенія ему титула митрополита ¹⁾).

Какъ видимъ, Оеофилакту предстоялъ далеко не легкій подвигъ. Но слава и честь ему: онъ выполнилъ этотъ подвигъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Своими неусынными трудами онъ далъ совсѣмъ другой ходъ и направленіе дѣламъ грузинской церкви. Выѣхавъ онъ изъ Рязани къ мѣсту своего новаго служенія 19 іюля 1817 г. ²⁾). Слишкомъ далекій и утомительный былъ путь для новаго экзарха: по маршруту предполагалось ему проѣхать 1866 верстъ черезъ губерніи Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую, землю войска Донскаго и Кавказскія области. Мало того, путь былъ и опасенъ. Экзархъ со свитой могъ всегда ожидать нападенія со стороны кавказскихъ хищниковъ; вотъ почему отношеніемъ отъ 14-го іюня 1817 г. къ кавказскому губернатору Оеофилактъ просилъ позаботиться о безопасности проѣзда ему и свитѣ ³⁾). Ко всему прибавлялись еще финансовыя затрудненія: сумма на содержаніе и проѣздъ свиты по примѣрной росписи экзарха равнялась 14725 руб., между тѣмъ рязан-

¹⁾ „Указъ Св. Синода“, 1817 г. за № 1674. Дѣло Архива Грузино-Имеретин. конторы отъ 2 іюня 1817 г., за № 334.

²⁾ Ibid.

³⁾ „Дѣло Архива Груз.-Имер. конторы отъ 28 іюня 1817 г.

ская казенная палата выразила согласіе на выдачу 7360 руб. Отсюда ему пришлось хлопотать передъ Св. Синодомъ о возвратѣ ему остальныхъ денегъ; по сношенію высшаго духовнаго и свѣтскаго начальства рязанская казенная палата возвратила экзарху требуемое имъ.

Утѣшеніемъ для него въ дорогѣ были взятыя имъ для разныхъ должностей по архіерейскому дому, для образованія пѣвческаго хора, для учрежденія семинаріи и для благолѣпія въ священнослуженіи—духовныя лица и пѣвчіе изъ бывшихъ его епархій Рязанской и Калужской, а также и прочихъ, лежащихъ по пути въ Грузію. По пріѣздѣ въ Тифлисъ 31 августа, Теофилактъ сразу понялъ, что ему не ждаты радостей въ новомъ краю ¹⁾. Уже первыя заботы его объ устроеніи своей внѣшней жизни въ Тифлисъ не обошлись безъ лишеній и затрудненій. Тифлисъ того времени представлялъ неприглядное зрѣлище. Онъ еще не успѣлъ обстроиться послѣ всѣхъ опустошеній, которыя вся вообще Грузія претерпѣла отъ персовъ, турокъ и горцевъ. Дома въ наемъ были почти всѣ безъ крышъ съ одними только земляными потолками, такъ что въ ненастное время во всѣхъ домахъ оказывалась течь въ комнаты, и отъ дождя нужно было спасаться даже въ комнатахъ подъ зонтикомъ. Въ такихъ именно домахъ пришлось помѣститься свитѣ Теофилакту; ему же самому кое-какъ удалось помѣститься въ каменномъ домѣ, имѣвшемъ не болѣе шести комнатъ, но за то, по крайней мѣрѣ, съ черепичною крышей, которая не пропускала сквозь себя дождевой воды ²⁾. Воздухъ въ Тифлисъ былъ такъ дуренъ отъ стекающихъ всюду нечистотъ, что нельзя было открывать окна. Вообще пребываніе въ немъ тогда было незавидно, а для многихъ и губительно. Экзархъ, вскорѣ

¹⁾ Дѣло Арх. Груз.-Имер. конторы отъ 3-го сентября 1817 г. за № 364.

²⁾ Вѣст. Евр. 1873 г., кн. 12, ст. 624; ср. „Сынъ Отечества“, 1818 г., ч. 43, стр. 46.

по прїѣздѣ, лишился четырехъ человекъ изъ своей свиты, а больна была вся свита ¹⁾). При такихъ первыхъ вѣтшихъ невзгодахъ онъ, со свойственною ему энергіей, принялся за выполненіе задачъ, оставленныхъ на его долю экзархомъ Варлаамомъ. Спусти день по прїѣздѣ, а именно 2 сентября— онъ далъ уже предложеніе Грузино-Имеретинской конторѣ о собраніи подробныхъ свѣдѣній по экзархату о епархіяхъ, церквахъ, причтахъ, монастыряхъ, училищахъ, объ архіерейскихъ и церковныхъ крестьянахъ, о доходахъ съ церковныхъ имуществъ и объ имѣніяхъ чужестранныхъ монастырей въ Грузіи. Немедленно Оеофилактъ принялся и за насажденіе просвѣщенія въ новомъ краѣ, потребность въ которомъ уже чувствовалась тамошнимъ духовенствомъ, какъ на это даетъ указаніе самъ экзархъ въ своемъ донесеніи Св. Синоду отъ 5-го октября 1817 г. за № 98. По донесенію экзарха, тамошніе священно-служители не чуждались просвѣщенія, желая, чтобы дѣти ихъ знали русскій языкъ, и чтобы на томъ же языкѣ обучались; это доказывалось тѣмъ, во—1-хъ, что дѣти многихъ находились уже въ частныхъ пансіонахъ, во—2-хъ, что, по прїѣздѣ экзарха туда, многіе сами просили его открыть тамъ духовныя училища съ обученіемъ на русскомъ языкѣ, обѣщая снабдить дѣтей своихъ какъ пищей и одеждой, такъ и квартирой ²⁾). Благодаря энергіи Оеофилакта, дѣло насажденія русскаго просвѣщенія въ Грузіи началось очень быстро и успѣшно. 1-го октября экзархъ открылъ въ Тифлисѣ духовную семинарію, помѣстивъ ее въ Авлабарскомъ архіерейскомъ домѣ, гдѣ раньше жилъ Досіеѣй, еписк. Телавскій. Ректоромъ ея назначилъ прибывшаго съ нимъ инспектора калужской семинаріи, архимандрита Виталія, должности преподавателей, едва

¹⁾ „Сынъ Отечества“, 1818 г., часть 43, стр. 46.

²⁾ Дѣло „Архива Грузино-Имеретинской конторы“ за № 43, отъ 8 сент. 1817 г.

ли не всё, замѣстить рязанскими богословами и философиями. Открытая семинарія пока состояла изъ классовъ: словесности, всеобщей исторіи и географіи. Число поступившихъ въ оную учениковъ простиралось въ день открытія до 16-ти человекъ. Вмѣстѣ съ семинаріей и подѣ управленіемъ одного и того же ректора открыто уѣздное и приходское училища, въ коихъ въ день открытія было до 30-ти учениковъ. Греческій и латинскій языки на первые два года не числились въ ряду учебныхъ предметовъ, въ виду усиленнаго изученія русскаго и грузинскаго языковъ. 11-го октября были открыты въ г. Телавѣ уѣздное и приходское училища, изъ коихъ въ въ 1-мъ насчитывалось сначала 22 уч., во второмъ 35. 17 января 1818 г. такія же училища были открыты въ г. Сигнагѣ, 16-го мая того же года—въ Гори. Изъ сохранившихся въ дѣлахъ Архива Грузино-Имеретинской конторы описаній торжества открытія всѣхъ вышеуказанныхъ духов. учебныхъ заведеній видно, что лучшее грузинское духовенство и населеніе испытывало какую-то особенную радость при видѣ насаждаемыхъ вертоградовъ рус. просвѣщенія, будучи проникнуто сознаніемъ, что всѣмъ этимъ оно обязано просвѣщеннымъ заботамъ императора Александра 1-го и преосвященнаго Освоилакта. Вотъ, напр., съ какимъ лирически-восторженнымъ настроеніемъ описываетъ торжество открытія духов. училища въ Сигнагѣ учитель Иларіонъ Добромысловъ. „Его Высокопреосвященство Сигнагскій митр. Іоаннъ по совершеніи литургіи въ своемъ, на три версты стоящемъ отъ города, монастырѣ св. Нины, самъ изволилъ шествовать съ крестнымъ ходомъ къ дому, назначенному для училища въ г. Сигнагѣ; при входѣ въ оный онъ торжественно былъ встрѣченъ гражданами и по приближеніи къ училищу стоящими въ 2 ряда учениками, на коихъ онъ отечески взирая отъ восторга радости проливалъ слезы благодаренія къ Всевышнему, что Онъ на вечерней зарѣ дней его даровалъ ему счастье въ покрытой мра-

комъ невѣжества странѣ еще узрѣть начало путей, ведущихъ въ Божій свѣтъ. Въ семъ мѣстѣ былъ совершенъ приличный сему случаю съ водосвѣтіемъ молебень, во время котораго митрополитъ считалъ съ сокрушеннымъ сердцемъ молитву о ниспосланіи Свыше благодати на новонасажденный вертоградъ дух. науки. Послѣ сего Его высокопреосвященство митрополитъ и его благородіе сигнагскій окружной начальникъ за нужное посчитали сдѣлать должное наставленіе, ибо духовенство (разумѣется, большая, некультурная его часть), совсѣмъ никакого не имѣя понятія о просвѣщеніи, съ великимъ принужденіемъ и слезами приводили дѣтей своихъ и благоразумныя, убѣдительныя сихъ двухъ особъ наставленія столь сильно подѣйствовали на сердца предстоящихъ, что они сей день признали самымъ первымъ днемъ въ своей жизни, и съ восторгомъ всѣ единодушно воскликнули: да будетъ благословенъ во вѣкъ сей вождеальный и счастливѣйшій день! Да здравствуетъ всероссійскій монархъ. Александръ 1-й и да благоденствуетъ Оеофилактъ, экзархъ всея Грузіи! И послѣ сего не только духовенство, но даже князья и дворяне непремѣннымъ возгорѣлись желаніемъ представить немедленно въ училище дѣтей своихъ¹⁾.

Не мало способствовало успѣшности насажденія просвѣщенія въ Грузіи признательное вниманіе Оеофилакта ко всѣмъ туземнымъ гражданамъ, оказывающимъ ему содѣйствіе и помощь при основаніи и устройствѣ духов. учебныхъ заведеній. Преосвященный экзархъ всегда старался сдѣлать извѣстными государю, Св. Синоду и свѣтскому начальству хлопоты и заботы тѣхъ или другихъ свѣтскихъ лицъ въ дѣлѣ просвѣщенія, добиваясь награжденія для нихъ²⁾.

¹⁾ Дѣло „Архива Грузино-Имеретинской конторы“ за № 45, 1817 г.

²⁾ „Дѣло Архива Груз.-Имер. конторы“ за № 44, 1817 г.

Положивъ болѣе или менѣе прочное начало образованію грузинскаго духовенства, онъ обратилъ свои заботы на устройство церковнаго управленія. Сначала онъ занялся устройствомъ духовной части въ Карталиніи и Кахетіи, составлявшихъ Грузію въ собственномъ смыслѣ. Онъ слѣдовалъ въ данномъ случаѣ инструкціи „проекта новаго устройства духовной части въ Грузіи,“ имъ же самимъ составленнаго и, по докладу Св. Синода, Высочайше утвержденнаго 28-го декабря 1818 г.¹⁾ Согласно этой инструкціи, Теофилактъ соединилъ подъ своей властью всѣ доселѣ бывшія въ Грузіи епархіи въ одну съ наименованіемъ Карталинской и Кахетинской; управленіе же Сигнагской епархіею, которая вошла въ составъ Кахетинской и Карталинской, поручилъ тамошнему митрополиту Іоанну Бодбелю по смерти его, изъ уваженія къ лѣтамъ его и къ службѣ, но съ тѣмъ однакожъ, чтобы онъ былъ въ зависимости отъ экзарха. Лишнихъ грузинскихъ архіереевъ, по его ходатайству, отозвали въ Москву съ пансіономъ, для предотвращенія вредныхъ послѣдствій.

„Хотя эта мѣра,“ писалъ по этому поводу св. Синоду экзархъ, „жестокъ и крутъ, но въ отношеніи къ общему добру необходима“²⁾. Вскорѣ по пріѣздѣ новый экзархъ обратилъ вниманіе и на приведеніе въ порядокъ церковныхъ доходовъ и имуществъ грузинской церкви. Эта забота доставила ему, какъ и его предшественнику Варлааму, много хлопотъ и огорченій, такъ какъ приходилось то отбирать имѣнія у лицъ незаконно завладѣвшихъ ими, то облагать налогами имѣнія, которыми временные владѣльцы или сѣемщики пользовались, не платя никакой подати³⁾. Для большей успѣшности этого дѣла экзархъ указомъ отъ 8 го

¹⁾ „Дѣло Архива Груз.-Имер. конторы“ за № 548, 1819 г.

²⁾ Ibid.

³⁾ Рус. Архивъ 1896 г. 3 книга, стр. 335, 336, 436.

октября 1817 г. за № 19 приказалъ учредить въ своей канцеляріи особый столъ для производства дѣлъ по сбору церковныхъ доходовъ и отдѣлить дѣла исполнительныя отъ экономическихъ ¹⁾. Въ своемъ предложеніи отъ 2-го сентября того же года Оеофилактъ требовалъ отъ канторы немедленнаго доставленія подробныхъ свѣдѣній относительно источниковъ содержанія епархіальныхъ архіереевъ, о количествѣ угодій, крестьянъ, о числѣ приходскихъ домовъ, объ источникахъ содержанія и доходахъ монастырей и т. п. ²⁾ За этимъ распоряженіемъ по данному вопросу слѣдовали другія, неоднократныя и энергичныя, которыя имѣли результатомъ опредѣленіе экономическаго состоянія грузинской церкви, давшее возможность упорядочить управленіе ея дѣлами и унормировать матеріальное обезпеченіе ея администраціи ³⁾. Введеніе въ штатное положеніе церквей и священно и церковно-служителей по Грузіи было особенно крупнымъ, имѣющимъ большое историческое значеніе, подвигомъ преосв. Оеофилакта. Поводомъ для начала этого дѣла служило слѣдующее обстоятельство. Генералъ - лейтенантъ князь Димитрій Зах. Орбеліановъ отношеніемъ къ экзарху за № 28 отъ 28 ноября 1817 г. заявилъ, что желаетъ въ своемъ помѣстьи построить новую церковь во имя св. Димитрія и жертвуетъ для той церкви, а также и на содержаніе священно и церковно-служителей при ней, землю, вспахиваемую въ одинъ плугъ за 40 дней, садъ, который должны обрабатывать его крестьяне и процентъ съ доходовъ сельскаго магазина. Оеофилактъ обрадовался такому доброму желанію и, давши на него полное свое согласіе, донесъ объ этомъ главному свѣтскому начальству, прося оповѣстить этотъ поступокъ по всей Грузіи для примѣра другимъ. Ма-

¹⁾ Дѣло Арх. Груз.-Имер. кон. № 46.

²⁾ Дѣло того-же Арх. за № 300, 1817 г.

³⁾ Дѣло того-же Архиза за № 54, 1818 г. и за № 441.

ло того, донося объ этомъ главноуправляющему А. П. Ермолову, экзархъ убѣдительно просилъ его внушить помѣщикамъ, чтобы они, согласно постановленію еще бывшаго главнокомандующаго въ Грузіи Ив. Вас. Гудовича, отвели въ пользу церквей, состоящихъ въ ихъ помѣстьяхъ, а также и на содержаніе церковной администраціи землю или другія к.-н. угодья; при чемъ предложилъ для осуществленія этого установить чрезъ предводителей дворянства предварительно число дымовъ (крестьянскія селенія) и штатныхъ приходскихъ церквей и причтовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Оеофилактъ просилъ Ермолова предписать и тамошней Казенной Экспедиціи, дабы она, опредѣливъ число дымовъ штатныхъ церквей и причтовъ въ казенныхъ селеніяхъ, отвела, по соглашенію съ духовной властью, земли и угодья, говоря, что по церковнымъ селеніямъ онъ самъ сдѣлаетъ тѣ же распоряженія. Ермоловъ отношеніемъ за № 581 отъ 25 марта 1818 г. извѣстилъ, что, за отъѣздомъ на Кавказскую линію, онъ поручаетъ это дѣло и. д. грузинскаго губернатора генералъ-маіору Стаю¹⁾. Тотъ отношеніемъ за № 1886 отъ 6-го іюня 1818 г. увѣдомилъ экзарха, что сдѣлалъ надлежащія распоряженія Казенной Экспедиціи по казеннымъ селеніямъ и окружнымъ начальникамъ по помѣщичьимъ селеніямъ. При чемъ изъ приложенной при этомъ копіи постановленія Экспедиціи видно, что послѣдняя приняла живое участіе въ данномъ дѣлѣ. Для опредѣленія штатовъ по казеннымъ селеніямъ былъ назначенъ особый чиновникъ. Оеофилактъ, съ своей стороны, прикомандировалъ къ этому дѣлу духовнаго депутата. Велась канцелярская переписка, но и дѣло подвигалось скоро, благодаря энергіи, умѣнію и такту экзарха. Наконецъ, отношеніемъ отъ 3-го февраля 1819 г. за № 53 Оеофилактъ доносилъ Св. Синоду, что по четыремъ уѣз-

¹⁾ Дѣло за № 32, отъ 29 ноября 1817 съ добавленіями подъ №№ 33, 34, 35.

дамъ: Телавскому, Сигнагскому, Горійскому и Тифлисскому церкви и причты приведены въ штатное положеніе. По данному сообщенію экзарха, въ указанныхъ уѣздахъ прихожане выразили согласіе давать на содержаніе причтовъ по 1-й кодѣ пшеницы, по полукодѣ ячменя, по тунгѣ вина, отъ 20 до 60 к. деньгами, сверхъ того, съ каждаго пяти дымовъ по одному барану, а также право пользоваться пастбищами, огородами и нѣкоторыми доходными мѣстами; при чемъ добровольная плата за требы не уничтожалась. Штатное положеніе церквей опредѣлялось въ однихъ уѣздахъ 80-тью дымами, а въ другихъ до 40 ¹⁾). Изъ донесенія экзарха Св. Синоду за № 450 отъ 18 августа 1819 г. видно, что и по другимъ уѣздамъ было введено штатное положеніе церквей и причтовъ. Это дѣло было, повторяемъ, весьма важной заслугой преосв. Ефифилакта предъ Грузинской церковью. Матеріальное благосостояніе духовенства и церквей должно было послѣ этого значительно улучшиться сравнительно съ прежнимъ временемъ. Насколько выхлопотанное Ефифилактомъ обезпеченіе грузинскому духовенству было велико, видно изъ того, что имъ довольны были въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій; если же въ послѣдніе годы этого довольства не замѣчалось, то, какъ признается тамошнее духовенство, только потому, что прихожане позднѣйшихъ поколѣній не даютъ того, что давали ихъ предшественники. „Остается желать и требовать“, писалъ Ефифилактъ Св. Синоду, „чтобы пастыри обезпеченіе своихъ жизненныхъ потребностей заслуживали бдѣніемъ и молитвами о душѣ пасомыхъ. Если обратить въ деньги все имъ назначенное отъ прихожанъ, то ежегодно доходы Грузинскаго блага духовенства простираются за 40 тысячъ руб., не считая земляныхъ угодій и платы за требы“.

¹⁾ Ibid.

Самъ Теофилактъ былъ невыразимо радъ осуществленію такого важнаго дѣла и приписывалъ главный успѣхъ не себѣ, по смиренію, а Богу и Ермолову. „О себѣ не похвалялся, писалъ онъ Голицыну, относя весь успѣхъ первоначально къ Подателю всѣхъ благъ, потомъ къ дѣйствіямъ мудраго повелителя въ Грузіи Его Высокопревосходительства А. Петр. Ермолова, который весьма стоитъ того, чтобы Ваше Сіятельство объявили ему спасибо, приличное и моральному и политическому его характеру“¹⁾... Св. Синодъ указомъ за № 2642 отъ 22 апрѣля 1819 г. выразилъ за этотъ подвигъ признательность экзарху, съ благословеніемъ на дальнѣйшіе подвиги на благо грузинской церкви. Въ томъ же году еще 1-го февраля Св. Синодъ выразилъ свое вниманіе къ Теофилакту пожалованіемъ ему сана митрополита Карталинѣи и Кахетіи²⁾.

Не малаго труда также стоило экзарху подчинить дисциплинѣ духовенство Грузіи. Въ видахъ этого онъ прежде всего обратилъ вниманіе на благочинныхъ, которымъ разослалъ составленную имъ самимъ подробную инструкцію, коей они должны были неуклонно слѣдовать; онъ даже вызывалъ всѣхъ благочинныхъ для личной бесѣды и знакомства съ ними³⁾. Между тѣмъ препятствій для водворенія дисциплины было много. Грузинское духовенство привыкло вдали отъ начальства жить и дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію; но энергія экзарха и здѣсь одержала верхъ: дисциплина была введена, всѣ важнѣйшія священническія вакансіи замѣщены отчасти болѣе или менѣе образованными туземцами, отчасти прибывшими съ Теофилактомъ изъ Рязани и Казуги семинаристами⁴⁾.

¹⁾ Ibid.

²⁾ Дѣло Архива Груз.-Имер. конт. за № 16, 1819 г.

³⁾ Дѣло за № 48 за 1818 г.

⁴⁾ „Вѣст. Евр.“, 1873 г. кн. 12, стр. 626.

Устроивъ духовную часть въ Грузіи въ собственномъ смыслѣ, Оеофилактъ долженъ былъ обратиться съ тою же заботою къ областямъ — Имеретіи, Гуріи и Мингреліи. Эти области упорно отстаивали свою іерархическую независимость и неприкосновенность своихъ имуществъ. Но Оеофилактъ рѣшился энергично приняться за преобразование духовнаго управленія и въ этихъ областяхъ. Для лучшаго успѣха въ предстоящей дѣятельности экзархъ въ помощь себѣ пригласилъ въ маѣ 1819 г. члена Грузино-Имеретинской конторы, архим. Квабтаховскаго монастыря, Аѳанасія и прокурора Чилаева. Аѳанасія онъ послалъ въ Мингрелію, Чилаева въ Гурію, а самъ отправился въ Имеретію. Но ни Аѳанасій, ни Чилаевъ не имѣли успѣха. Владѣтельные князья Мингреліи и Гуріи отвѣтили, что при всей ихъ готовности не находятъ для себя возможнымъ допустить присланныхъ къ нимъ духовныхъ особъ къ исполненію порученій экзарха; поэтому всякое дѣйствіе по части духовной на Мингрелію и Гурію было поневолѣ пріостановлено Оеофилактомъ ¹⁾. Повидимому, такъ же неудачно должно было окончиться дѣло устроенія духовной части и въ Имеретіи, куда отправился самъ Оеофилактъ. Имеретія, по своему церковному быту, такъ же, какъ и по своему гражданскому устройству, была слишкомъ далека отъ духовнаго и государственнаго устройства Россіи. Зѣбшіе архіереи мало ощущали власть нашего Синода и дѣйствовали очень самостоятельно. Происходя изъ княжескихъ, а иногда даже изъ царскихъ тамошнихъ семействъ, они вели себя истинными магнатами, не дававшими никому и ни въ чемъ отчета. Для нихъ даже богослуженіе было какъ бы дѣломъ чуждымъ; оно предоставлялось низшему духовенству ²⁾. Отсюда понятно, какъ враждебно должны были имеретинскіе архіереи отнестись къ преобразователь-

¹⁾ „Руков. дѣят. духов. проsv.“, стр. 107.

²⁾ „Рук. дѣят. дух. проsv.“, стр. 107.

нымъ намѣреніямъ Теофилакта. Еще до прибытія его они дали другъ другу клятву въ томъ, что никто изъ нихъ не согласится быть одному мѣстнымъ архіереемъ (такъ какъ предположено было оставить въ Имеретіи, вмѣсто четырехъ, одну епархію). Прибывши въ Кутаисъ, Теофилактъ старался успокоить ихъ обѣщаніемъ оставить всѣхъ на мѣстахъ, при условіи, если они примутъ тотъ образъ управленія епархіями, какой укажетъ имъ правительство. И дѣло стало какъ бы улаживаться. Теофилактъ получилъ возможность приступить къ описи церковнаго имущества. Въ теченіе трехъ недѣль имъ описаны были округа Кутаисскій и Викинскій¹⁾. Но скоро обстоятельства измѣнились для Теофилакта къ худшему. Недовольные вводимыми преобразованіями, имеретинскіе князья, а также митрополиты—Досіоей Кутатель и Евсимій Генатель взбунтовали противъ него народъ, распространяя вездѣ слухи, что у нихъ хотятъ переимѣнить вѣру, отобрать церковныя имущества, иконы, кресты и забрать архіереевъ и священниковъ. Возбужденная Имеретія требовала, чтобы экзархъ оставилъ ее немедленно. И тотъ, дѣйствительно, долженъ былъ это сдѣлать; ему даже угрожала опасность быть убитымъ. Впрочемъ, энергичныя старанія Теофилакта все-таки не остались безъ успѣха. Его экспедиція имѣла то важное послѣдствіе, что выѣдрила въ мысли имеретинскихъ князей и духовенства убѣжденіе въ неотразимости духовной реформы въ ихъ областяхъ и епархіяхъ и даже прямо намѣтила и подготовила эту реформу. Теофилактъ добился того, что главные зачинщики происшедшаго въ Имеретіи возмущенія—Досіоей Кутатель и Евсимій Генатель—были удалены изъ Имеретіи 5-го марта 1820 г., а завѣдываніе духовными дѣлами Имеретіи, согласно его совѣту, поручено было Рачинскому

¹⁾ Вся Имеретія состоитъ изъ четырехъ округовъ—Кутаисскаго, Викинскаго, Шарпанскаго и Рачинскаго (См. „Истор. груз. іерарх.“, стр. 47).

архіеп. Софронію. Этотъ-то Софроній подъ руководствомъ Оеофилакта и докончилъ начатое въ Имеретіи устройство духовной части. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ Оеофилакту удалось-таки привести Имеретію въ благоустройство въ отношеніи духовнаго порядка. Въ зависимости отъ экзарха остались только Мингрелія и Гурія ¹⁾).

Заслуживаетъ также вниманія и миссіонерская дѣятельность Оеофилакта въ Грузіи. Знаменитый экзархъ въ короткое время улучшилъ ходъ миссіонерской осетинской комиссіи, погупившей въ его вѣдѣніе со времени самаго его назначенія въ Грузію. Св. Синодъ, по его предложенію, далъ Комиссіи новую инструкцію, по которой, во избѣжаніе недавней ошибки Досиѣея Телавскаго, дѣло обращенія осетинцевъ предписывалось вести только духовными средствами, не ослабляя ничьей власти и употребляя мірскія средства, только какъ дары любви для однихъ крещеныхъ, — крещеніе преподавать, только удостовѣрившись въ искренности обращенія крещаемыхъ, на проповѣдь являться безъ всякой огласки и конвоя, не какъ посланнымъ отъ правительства, а какъ простымъ странникамъ, желающимъ спасенія людямъ, и считать дѣло своей проповѣди конченнымъ не прежде, какъ обращенные пожелають имѣть у себя церковь и священниковъ ²⁾ Благодаря такимъ мудрымъ и истинно-христіанскимъ мѣрамъ миссіонерская дѣятельность Осетинской комиссіи при Оеофилактѣ увѣнчалась благословеннымъ успѣхомъ.

При архієпископѣ Досиѣѣ (съ 1814—1817 г.) было окрещено только 6,059 душъ, а при Оеофилактѣ (съ сент. 1817 г.) число новообращенныхъ простиралось до 30,340 душъ изъ однихъ осетинъ; кромѣ того обращено было много другихъ горцевъ изъ племенъ, имѣвшихъ болѣе близкія связи

¹⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 105—111.

²⁾ „Ист. груз. іерарх.“, стр. 80—81.

съ Грузією и поэтому болѣе другихъ подготовленныхъ къ принятію христіанства, такъ что всѣхъ вообще обращенныхъ при Оеофилактѣ насчитывалось свыше 47,100 человекъ и еще 130 домовъ удскаго племени ¹⁾). Самыми дѣятельными помощниками его въ дѣлѣ миссіи были протоіерей Николай Самаргановъ и осетинскій дворянинъ Иванъ Ялгудзидзе. Послѣдній, по внушенію экзарха, перевелъ на осетинскій языкъ утреннія и вечернія молитвы, катехизисъ, литургію, послѣдованія крещенія, погребенія и брака. По отпечатаніи эти переводы немедленно были разосланы по осетинскимъ приходамъ, и богослуженіе стало совершаться въ нихъ на осетинскомъ языкѣ ²⁾).

Какъ видимъ, Грузія представляла весьма богатое и обширное поприще для дѣятельности Оеофилакта на пользу церкви. На такомъ поприщѣ, кажегся, можно было ему не только забыть о своей опалѣ, но даже чувствовать себя счастливымъ: здѣсь находили истинное удовлетвореніе его богатая, жаждущія дѣятельности, силы. Но на самомъ дѣлѣ самочувствіе экзарха въ теченіе всей жизни въ Грузіи было не особенно хорошее. Тоска по Россіи и сознаніе опалы тяжелымъ бременемъ лежали на его сердцѣ. И не было у него возможности разсѣять такія грустныя чувства. Напротивъ, тѣ условія, при которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ въ Грузіи, только поддерживали его недовольное самочувствіе. Прежде всего Оеофилакту недоставало общества, къ которому всегда тяготѣла его живая натура въ часы досуга; недоставало образованныхъ людей, съ которыми можно было бы подѣлиться мыслями и чувствами, которые могли бы понять и оцѣнить его. Гордая грузинская аристократія, духовная и свѣтская, чуждалась его, да и самъ онъ, не лю-

¹⁾ „Истор. груз. іерар“, стр. 81—83.

²⁾ *Ibid.*, стр. 89.

бившій гордости вообще, не былъ къ ней расположенъ. Съ малообразованнымъ бѣлымъ духовенствомъ у него было мало общаго. Также мало общаго имѣлъ онъ и съ русскимъ свѣтскимъ тифлисскимъ обществомъ, которое состояло почти изъ однихъ военныхъ. Правда, было въ этомъ обществѣ человекъ десять, напр., Самойловъ, Мордвиновъ, Поповъ, Николай Никол. Муравьевъ-Карскій ¹⁾, главнокомандующій Грузіи генералъ-лейтенантъ А. П. Ермоловъ (съ 1816 г.)

¹⁾ Генералъ Никол. Ник. Муравьевъ-Карскій, бывшій на Кавказѣ въ 1818—19 гг., въ своихъ воспоминаніяхъ (см. Русск. Архивъ за 1886 г., 3 кн., стр. 289, 293—309, 310—311, 335—336, 436) часто упоминаетъ о Оеофилактѣ. Онъ отзывался о немъ, какъ о человекѣ весьма умномъ, ученомъ, начитанномъ, способномъ говорить прекрасно, о чемъ бы только ни начинался разговоръ, — показывающемъ всадъ особенныя познанія. Впервые съ Оеофилактомъ Муравьевъ встрѣтился 1-го января 1818 г. на званомъ обѣдѣ у генерала Попова, который праздновалъ именины своего отца. Знаменитый экзархъ, по разсказу Муравьева, „послѣ обѣда заставлялъ своихъ пѣвчихъ пѣсти русскія пѣти, самъ по казавши мѣру имъ“. По особенно интересенъ для насъ слѣдующій разсказъ Муравьева. о Оеофилактѣ. „1-го мая 1818 г., передаетъ Муравьевъ, я былъ позванъ на обѣдъ ген.-майоромъ Цестелемъ; онъ давалъ обѣдъ въ казенномъ саду. Вечеромъ Оеофилактъ пріѣхалъ прогуливаться въ садъ; я встрѣтилъ его; онъ ласковымъ образомъ упрекалъ меня, что я къ нему не хожу. Онъ вошелъ въ палатку и сѣлъ подлѣ дамъ, посадивъ меня подлѣ себя и началъ разговоръ о поединкахъ. Сообразно съ саномъ своимъ, онъ охулялъ обычай сей. Я и Горчаковъ были совершенно согласны съ тѣмъ мнѣніемъ, что обычай сей остался еще отъ варварскихъ временъ, но что, живя въ обществѣ, надобно сообразоваться съ обычаями онаго и часто принимать меньшее зло для избѣжанія большаго. Наумовъ вступилъ въ споръ, и какъ онъ немного смыслилъ по сей части, то и былъ тотчасъ же огорошенъ; онъ сталъ, наконецъ, опираться на Оеофилакта, который, давно слушалъ меня съ улыбкой единомыслія. Чтобы совершенно поразить всѣхъ тѣхъ, которые прибѣгнули подъ крылышко преосвященнаго, я обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Долго-ли еще будете вы противорѣчить моимъ мнѣніямъ? Вы видите ихъ совершенно согласными съ вашими. Я признаю обычай сей за злой, но на меня сіи господа нападаютъ, сами не зная за что, и потому мнѣ ничего больше дѣлать не осталось, какъ прибѣгнуть подъ покровительство вашего высокопреосвященства. Увѣрьте сихъ господъ, что я правъ; они не хотятъ понять, а я вижу, что вы одинаково мыслите со мной“. Оеофилактъ улыбнулся и далъ почувствовать справедливость моихъ словъ“. Этотъ разсказъ весьма вѣрно характеризуетъ свободу и широту нравственно-соціальныхъ воззрѣній Оеофилакта.

и др., къ которымъ Теофилактъ изрѣдка ѣздилъ¹⁾). Вообще же Теофилактъ претерпѣвалъ въ Грузіи мертвящую скуку. Онъ если развлекался, такъ почти только у себя дома, въ своей свитѣ, бесѣдуя и играя съ маленькими пѣвчими, прибывшими съ нимъ изъ Россіи. Къ скукѣ присоединились неблагоприятныя климатическія условія. Невыносимые жары, продолжавшіеся въ Тифлисъ нѣсколько мѣсяцевъ въ году, приводили нѣсколько тучнаго Теофилакта въ полное изнеможеніе. Чтобы хотя сколько-нибудь облегчить себя въ этомъ отношеніи, онъ любилъ сидѣть въ водѣ,—въ бассейнѣ, находившемся близъ архіерейскаго дома²⁾). Претерпѣвая такіе внѣшнія невзгоды и внутреннія скорби, Теофилактъ естественно жаждалъ возвращенія въ Россію. Пожалованные ему за подвижъ устроенія духовной части въ Грузіи—санъ митрополита (1-го іюля 1819 г.) и орденъ Владиміра 1-й ст. (1-го іюня 1821 г.) не утѣшили его³⁾). Какъ бы предчувствуя скорую свою кончину, онъ въ 1821 г. убѣдительно просилъ письменно Голицына о томъ, чтобы его перевели въ Россію, но тотъ не внялъ его просьбамъ, ссылаясь на то, что такого экзарха трудно замѣнить кѣмъ-нибудь. Между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ смертный часъ Теофилакта незамѣтно приближался. Еще съ бодрыми, неподломленными, несмотря на трудныя и тяжелыя обстоятельства, силами, экзархъ выѣхалъ въ іюлѣ 1821 г. въ Кахетію для обозрѣнія епархіи. Возвращаясь 10-го іюля прохладнымъ вечеромъ въ одномъ подрясникѣ отъ князя Чавчавадзе въ Бодбійскій Сигнагскій монастырь, онъ простудился. схватилъ горячку и послѣ 9-ти дневной болѣзни скончался 19-го числа въ 5½ ч.

¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1873 г., кн. 12. стр. 626.

²⁾ „Вѣстн. Евр.“, 1873 г., кн. 12, стр. 627.

³⁾ Баут.-Каменск. „Слов. дост. Русск. земли“, ч. 5, стр. 322.

по полуночи¹⁾, а затѣмъ и погребенъ былъ въ томъ же Бодбійскомъ Сигнагскомъ монастырѣ²⁾.

Такъ быстро и неожиданно внѣ родного, русскаго края, можно сказать, въ неизвѣстности, угасла жизнь знаменитаго русскаго іерарха, нѣкогда блиставшаго великою славой въ нашей сѣверной столицѣ и такъ много потрудившагося на пользу нашей церкви.

Изъ представленнаго нами очерка жизни и дѣятельности Оеофилакта Русанова довольно рельефно обрисовывается образъ этого знаменитаго русскаго іерарха. Въ нашемъ сознаніи невольно возстаетъ образъ просвѣщеннаго обще-церковнаго дѣятеля, широкая натура котораго сложилась силою слѣдующихъ трехъ факторовъ: богатыхъ природныхъ его задатковъ, во-первыхъ, благопріятныхъ внѣшнихъ условій начальныхъ годовъ его служебной дѣятельности, во-вторыхъ, и весьма солиднаго образованія, въ-третьихъ.

Знаменитый іерархъ по самому своему темпераменту, природному складу и направленію своихъ богатыхъ духовныхъ силъ, былъ предрасположенъ къ просвѣщенной общественной дѣятельности. Темпераментъ его можно назвать холерическимъ: это была натура въ высшей степени энер-

¹⁾ По словамъ проф. Чистовича, „въ Грузіи русскіе и грузины знали и выражали за достовѣрное, что Оеофилактъ былъ ограбленъ и называли даже лицо, которое совершило это преступленіе. Обстоятельства смерти его представлялись въ слѣдующемъ видѣ. Послѣ обѣда, 19-го іюля, въ покояхъ и обществѣ митр. Іоанна Бодбея, съ которымъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, Оеофилактъ долго сидѣлъ съ митроп. и другими духовными лицами на балконѣ; потомъ пошелъ отдохнуть, сказавши, чтобы они не уходили, и что онъ скоро вернется къ нимъ. По время шло, часъ, другой; митроп. пославъ навѣдаться, и Оеофилакта нашли мертвымъ“ („Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 112, 1-ое примѣчаніе).

²⁾ Дѣло Арх. Св. Синода 1812 г. № 960. См. „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 111—112; ср. „Вѣст. Евр.“, 1873 г., кн. 12, стр. 629.

гичная, живая, общительная и интересующаяся всѣмъ окружающимъ. Центральное и главное мѣсто въ ней занималъ великій практическій умъ, другія же духовныя силы преосв. Оеофилакта—его открытое сердце и энергичная воля, не будучи подавляемы умомъ, склонны были дѣйствовать въ гармоничномъ согласіи съ нимъ, чѣмъ и сообщали ему еще большую живость и энергію. Такая природная предрасположенность знаменитаго іерарха къ просвѣщенной общественной дѣятельности съ теченіемъ времени, благодаря тѣмъ вышнимъ счастливымъ условіямъ, въ которыя была поставлена его жизнь въ пору окончательнаго сформированія духовной натуры, а особенно благодаря полученію имъ солидному и широкому образованію, развившись и укрѣпившись въ немъ, стала его основнымъ и господствующимъ духовнымъ настроеніемъ. Какъ мы видѣли, Оеофилактъ, скоро по окончаніи духовной школы, занялъ видное общественное положеніе въ С.-Петербургѣ, получивъ возможность жить въ близкомъ соприкосновеніи съ образованными интеллигентными людьми. Естественно, что въ такой сферѣ должны были найти для себя богатую пищу его природные „общественныя“ задатки. Особенно была важна эта сфера для него въ томъ отношеніи, что она дала ему благоприятныя условія для развитія и расширенія его ума. Дѣйствительно, въ первые годы своего служенія въ С.-Петербургѣ онъ энергично занимался самообразованіемъ, запасаясь умственной пищей, такъ сказать, на всю свою жизнь. Какъ мы видѣли, онъ, по окончаніи духовной школы, въ которой получилъ хорошее только богословское образованіе, съ увлеченіемъ принялся за изученіе западной литературы (особенно французской) и дѣйствительно скоро пріобрѣлъ богатые положительные свѣдѣнія почти во всѣхъ „гуманныхъ“ и общеобразовательныхъ наукахъ, какъ то: исторіи, философіи, эстетикѣ, социологіи и др. Развивъ и обогативъ та-

кимъ широкимъ образованіемъ свой умъ, Оеофилактъ тѣмъ самымъ развилъ и обогатилъ всю вообще свою духовную натуру. Сердце его, подъ вліяніемъ гуманныхъ идей, прониклось самыми благородными и широкими чувствами по отношенію къ людямъ, ставши „гуманнымъ“ въ истинномъ смыслѣ этого слова; оно, такъ сказать, стало дѣйствовать уже не по инстинкту, а по убѣжденіямъ образованнаго ума; симпатіи его уже вращались преимущественно въ области умственныхъ интересовъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же условій у него стала проявляться особая жажда и энергія къ дѣятельности, преимущественно по части просвѣщенія. Развивши и обогативши, такимъ образомъ, всѣ свои духовныя силы, Оеофилактъ, естественно, направилъ ихъ по преимуществу къ просвѣщенной церковно-общественной дѣятельности. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, во всѣхъ мѣстахъ своего церковнаго служенія онъ направлялъ свою дѣятельность на заботы по части просвѣщенія и образованія духовнаго сословія.

Что касается до религіозной нравственной стороны его личности, то она характеризуетъ его скорѣе, какъ просто православнаго свѣтскаго человѣка, чѣмъ какъ монаха-аскета, какимъ онъ былъ по своему сану. Мы видѣли, что Оеофилактъ любилъ бывать въ свѣтскомъ обществѣ, не чуждъ былъ свѣскихъ развлеченій, не всегда проявлялъ высоту христіанскаго смиренія (напр., въ отношеніяхъ къ м. Платону, Филарету).

Вотъ собственно каковъ былъ общій обликъ Оеофилакта Русанова, какъ человѣка и какъ церковнаго дѣятеля.

А. Ельчукъ.